

Колдовские миры

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

Ветана
Дар смерти

Галина Дмитриевна Гончарова
Ветана. Дар смерти
Серия «Ветана», книга 2
Серия «Колдовские миры»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31541397

Галина Гончарова. Ветана. Дар смерти: «Э»; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-093244-3

Аннотация

Лечить людей для мага жизни – призвание.

Но сделать их лучше? Это и Светлому не под силу. А лечить приходится всех. Воров, убийц, бедняков, аристократов... Не разбирая, кто хорош, а кто плох. И благодарность людская тоже разнится.

Кто-то отдаст последнее, кто-то просто скажет спасибо, а кто-то начнет думать, как использовать лекарку в своих целях. Ну или куда благороднее – в интересах страны и Короны.

И с такими труднее всего. А отказаться от их помощи Ветана не может. Опасность из прошлого настигает девушку, и защитить ее могут только те, кто обладает властью и могуществом. Но чем придется расплачиваться за их помощь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	91
Глава 4	121
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Галина Гончарова

Ветана. Дар смерти

© Гончарова Г. Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Я шла по городу. В душе кипела и искрилась радость. Жить! Как же хорошо жить! Смотреть на небо, радоваться солнцу, улыбаться новому дню, видеть игры детей и даже – да! – нюхать цветы шиповника.

Потянулась к кусту и от души вдохнула аромат цветка. Рвать его не хотелось, нет. А вот остановиться на секунду и унести на губах сладость пыльцы и нежный запах розового цвета... Мгновение, всего лишь мгновение, но это – мое. И я счастлива. Здесь и сейчас я довольна и спокойна. И не скажешь, что этой ночью меня хотели убить. А я иду по улице и мечтаю о том, как войду в лечебницу и стану учиться и помогать людям...

Разве это не счастье?

Лечебницу я увидела издали. Приземистое одноэтажное здание из белого камня с зеленой крышей. Еще Алетар Раденор ее строил, и строил – на века. С тех пор перекрывали крышу, меняли двери и окна, ремонтировали перегородки из дерева, а вот каменный каркас как стоял, так и стоит. И еще века продержится. Раденоры вообще выделяют достаточно денег на лекарей.

Я положила руку на бронзовую ручку. Поморщилась. Вымыть не могли? Под пальцами появилось неприятное липковатое ощущение. Так бывает, если металлическую вещь дол-

го не чистить.

Грязь. В лечебнице? Мне это уже не нравилось. Но порог я переступила со всей решительностью. В конце концов, у работающих здесь людей есть дела и поважнее, чем начищать дверные ручки, верно?

В нос бросилась смесь запахов. Щелока. Сильный и едкий. Крови и гноя. Не менее сильный. Болезни. Поверьте, больной человек тоже пахнет своим особым запахом, запахом боли и страха. И сейчас все это ударило мне в лицо. Я пошатнулась и покрепче схватилась за дверь, чтобы не упасть. А на пальцах вновь остался неприятный липкий след.

И что тут происходит?

Лекаря я узнала по зеленой развевающейся накидке. Цвету жизни. И ухватила за рукав.

— Где я могу найти господина Тирлена?

— Он на обходе...

— И где это?

— В северном крыле. По коридору, третий поворот направо, еще раз направо и шестая дверь.

Лекарь вывернулся из моих рук, а я медленно пошла по коридору. Лечебница была устроена именно так. Один большой широкий коридор, от которого в обе стороны открывались двери.

За одной пили взвар несколько больничных служителей, за другой на койках лежали люди. Сколько же их! Мужчины, женщины, дети...

Страшно. Мне очень-очень страшно. Я медленно шла, оглядываясь по сторонам.

Вот в той палате женщина сидит на койке рядом с пожилым мужчиной, и до меня долетели слова:

— ...обязательно поправишься...

В другой девчонка — явно служительница — командовала пожилой женщиной:

— Ну-ка хватит лениться! Надо двигаться, иначе потом не встанете. Слезайте, госпожа...

А из соседней двери несло такой болью, что я невольно замедлила шаг. И охнула. За этой дверью сидели трое. Мать, отец, ребенок. Болел малыш, и ему было плохо, очень плохо.

Сила заметалась внутри меня, полосую когтями внутренности, словно раненый зверь. И я не сдержалась. Ну что такого? Я же просто загляну.

На скрип двери повернул голову только отец. Так...

Рофтеры.

Есть такая народность без земли. Черноволосые, смуглые, с карими или черными глазами, они кочуют от города к городу. И надо сказать, их не очень любят. Всякие попадались — и вороватые, и нагловатые...

Почему не извели?

Народ рофтеров владел какой-то своей магией. И провидицы, и вещуньи, и ведьмы. И проклясть последние могли так, что костей не соберешь. Случалось пару раз. После этого желание загонять рофтеров в какие-то рамки пропало да-

же у самых упертых.

Сейчас передо мной сидели типичные рофтеры.

Красная рубашка и черные штаны у отца, черная кофта и алая широкая юбка у матери, по спине струятся черные ко-сы, извиваясь змеями на постели, на плечи наброшена шитая шелками шаль. Сидят родители над больным малышом. И не так уж важно, к какому они принадлежат народу. У горя нет национальности.

– Что с малышом?

– А вы кто?

– Ветана. Лекарка. Сегодня здесь первый день, – спокойно представилась я. – Господин?..

– Арахо. – Мужчина явно смягчился. – Никто не знает, госпожа. Сын весь горит в лихорадке, уже несколько дней, судороги, тошнота, рвота... Яра с рук его не спускает...

И верно, выглядела женщина так, что саму в гроб укладывать можно. Глаза запали, на лице только нос и скулы, кожа желтая...

Если ребенок умрет, она уйдет за ним, – подсказало нечто внутри. – Это ее единственный сын, ты же видишь...

Видела. Каким-то чудом видела и могла дать лишь одно объяснение. Моя сила выходит на качественно новый уровень. Хорошо это или плохо – подумаю потом. А пока...

Я шагнула вперед, мягко коснулась запястья малыша. Темного крабом, ему же года три, жить и жить! Женщина дернулась, как от удара.

– Вы... Кто?!

Она даже не слышала, о чем мы говорили. Я нащупала пульс ребенка. Едва-едва, тоненький, нитевидный, если не вмешаться здесь и сейчас – для него уже не будет ни там, ни потом.

– Ветана. Лекарка. Встань.

Откуда в моем голосе эти нотки? Но я сейчас разговариваю как бабушка.

Мать могла орать, могла гневаться, ее могли не слушаться, но когда говорила бабушка, все замолкали и беспрекословно выполняли ее приказы. Просто потому, что понимали – *так надо*.

Женщина поднялась, глядя на меня, как птичка на змею. Может, и так, но сейчас мой яд – целебен.

– Дай я осматрю его.

– Я...

– Клянусь, он не умрет.

И столько уверенности звучало в моем голосе, что женщина всхлипнула. А я ведь и правда могла это обещать. Знала, что говорю правду, и она почувствовала ее в моих словах. Здесь и сейчас.

На руки мне легло тоненькое тельце. Горячее, словно его только что вынули из печи. Боги, если бы вы не привели меня сюда, через десять-двенадцать часов все было бы кончено.

Пальцы легли на затылок малыша. Под прикрытием растрепанных мягких волосенок по ним побежали искорки. По-

что незаметные, родители их и не увидели.

Да. Воспаление мозга¹. Бывает такая гадость, дети на нее податливы. А вот выживают немногие. Даже взрослые умирают, что уж там такие малыши.

Для проверки я согнула ребенку ногу. Попробовала. Ага, как же, размечталась... С тем же успехом можно пальцами полено гнуть. Мышцы словно железные². Вот и сыпь на теле, характерная такая... На закрытые веки надавливать даже не стала. И так понятно, что это. Зачем мучить ребенка?

Перевела взгляд на родителей. На господина Арахо.

– Сейчас вы возьмете свою жену и накормите. Можно – насильно. Я побуду с ребенком, пока вы не вернетесь. Обещаю, на шаг не отойду.

Мужчина нерешительно коснулся женской руки.

– Яра...

Женщина дернулась, словно лошадь, которую кнутом ожгли. И я поняла, в чем дело. Не верит. Никому не верит. И боится, что уйдет, а ребенок тут же умрет. Она чувствует его, словно себя. И знает, что только ее жизнь поддерживает его силы.

Да, и так бывает. Если любишь человека, сможешь удержать его над пропастью. Только вот я – маг жизни. И этой пропасти даже не замечу.

– Нет! Я не...

---

¹ Менингит (прим. авт.).

² Симптом Кернига (прим. авт.).

Я видела женщину насквозь.

– Обещаю: он не умрет.

Яра сверкнула глазами, но я покачала головой.

– Если он умрет – убьете меня. Хотите, напишу расписку?

Господин Арахо, накормите жену! Там у лечебницы торгуют супом из моллюсков – две минуты туда, две обратно. Пять, чтобы его съесть.

Женщина вдруг шагнула ко мне. Взяла за руку, посмотрела... так...

– Он правда не умрет?

И столько надежды было в ее глазах, столько веры! Она и в храме, наверное, на Бога так не смотрела.

– Как зовут малыша?

– Диан. Моего мальчика зовут Диан.

Я медленно опустила ресницы.

– Клянусь – он будет жить. Своими будущими детьми клянусь! Чтоб мне ни одного не родить.

Да иди ж ты, дура! У своего ребенка время отнимаешь!

Я едва дождалась, пока за ними закроется дверь.

Положила Диана на кровать, отметив серую застиранную простыню и дырки на ней, и коснулась ладонями исхудавшего личика.

– Прости, малыш.

Ладони накрыли виски Диана. Сила гремела и перекачивалась внутри, словно безумный водопад на реке, и я покорно отпустила ее на волю. Это было вовсе не так, как с мар-

кизом. Нет. Там требовалось встряхнуть все тело, теряющее желание жить. Здесь же...

Легче, намного легче.

Дети вообще больше тянутся к жизни. Они знают, что смерти нет, и это замечательно. Диан не кричал, не стонал и не дергался. Он просто вжался головой в мою ладонь так, что я на миг даже испугалась: показалось, что пальцы, прорвав кожу, впиваются в самую кость.

Но – нет.

И я знала, что сейчас творится внутри малыша. Почти видела, как золотистые искорки бегут по его жилам, как с кровью проникают в самые отдаленные уголки тела, выжигая нечто вроде гадких черных точек. Убивая самую суть заразы. Но это еще не все. Надо убрать последствия. Иначе малышу придется плохо, очень плохо...

Я направила силу туда, где она была нужнее всего. У Диана будут явные проблемы со зрением, когда он выздоровеет. А мы вот так, осторожненько, уберем лишнее количество жидкости. Ее сейчас не хватает в теле, а она тут скопилась. Иди отсюда, милая, рассасывайся. И вот тут беда. Нет, судорог у ребенка тоже не останется. Делать – так до конца...

Мне повезло.

Маг жизни за работой не заметит, даже если на него скала упадет. Я бы тоже не заметила ни зрителей, ни чего-то другого. Но... именно – повезло. Последствий было на удивление мало. Видимо, ребенок просто начал умирать, и болезнь не

успела сожрать все, что возможно. Или я пришла вовремя?

Не знаю, ничего не знаю. Сейчас я просто живое приложение к своей силе, которая свободно льется из меня. И понимает, что все уже в порядке, все хорошо.

Я убрала руки с детских висков и машинально отметила, что в этот раз лечение далось легче. Хотя чего удивительно-го? Взрослые люди менее податливы, да и сил на них требуется больше. Я могу взять на руки малыша, но поднять того же маркиза?

Тяжесть болезни?

Да, и это тоже. Но малыша лечить легче, все равно легче. Со взрослыми я и руки поднять не могла после лечения. А сейчас вот спокойно сижу, держу мальчишку за руку, и даже на стену не опираюсь. И вовремя, видит небо! Потому что за дверью уже слышатся шаги.

Родители ребенка возвращались в палату, как на эшафот. И неудивительно. Когда на твоих руках умирает твой ребенок, когда ты кровь бы по капле отдал, но некому, и понимаешь, что ты не в силах помочь, когда ты чувствуешь затухающее биение пульса и понимаешь, что малыш уходит... Не хотела бы я такое пережить. Впрочем, я – маг жизни. Но и чужой боли мне довольно.

Яра стояла в дверях и смотрела на меня. Я была спокойна, малыш лежал на кровати и едва дышал. Почти незаметно под одеялом, которым я его укутала. Бедняга пропотел насквозь, его переодевать надо, а во что?

– Он...

– Жив. Выздоровливает. У него был кризис, – спокойно ответила я.

Яра осела у двери, словно тряпичная. Глаза впились в меня остриями ножей.

Жив? Правда? Выздоровливает?!

Супруг кое-как подхватил несчастную под мышки, поднял и подтащил к кровати.

– Яра, Яринька, все в порядке...

Рука, протянутая к сыну, явственно дрожала. Но лобик под пальцами был прохладным, только очень мокрым. И волосенки на голове слиплись от пота.

– Его бы переодеть. Есть во что?

– Есть! Сейчас найду!

Вот и чудненько. Я встала, умудрившись даже не пошатнуться. Эх, мне бы сейчас хоть чашку воды. Но слабости показывать нельзя, я-то знаю. Да и ненадолго это, я быстро прихожу в себя.

Яра суетилась вокруг ребенка. Господин Арахо посмотрел на это – и коснулся моей руки.

– Госпожа Ветана... спасибо.

– А я при чем? Кризис и сам бы начался, просто я это увидела и отослала вас. Иначе ваша супруга тут бы с ума сошла, – с невинным видом пожала плечами я. – Знаете, это очень неприятно выглядит.

Господин Арахо закивал, словно и правда что-то знал.

– Все равно – спасибо. Сколько?..

Я фыркнула.

– За что вы меня благодарите? За десять минут рядом с малышом?

Можно подумать, я прошла бы мимо. Тогда, рядом с маркизом, я поняла, насколько страшный дар мне достался. Сейчас вижу это еще отчетливее. Маги жизни – рабы своей силы. И чем лучше я научусь лечить без применения магии, тем спокойнее будет мне же. Потому что там, где опытный лекарь обойдется уколом...

– Лекари говорили – Диан умрет.

– И что? Не умер же? Справился.

Дверь скрипнула. В комнате сразу стало очень тесно и зелено. Три лекаря, штук шесть подручных, все в форме государственных лекарей. Голос господина Тирлена наполнил помещение:

– А вот тут у нас острое мозговое воспаление. Кто назовет мне признаки?

– Сыпь.

– Жар.

– Судороги.

Неуверенные голоса, сомневающиеся лица. И это – подручные лекарей? Если бы я так перечисляла все бабушке? Или старой Марте? Хм-м...

Крапивой они бы меня гоняли долго и безжалостно. Травница всегда повторяла, что неверно распознаешь – угробишь

больного. А там и сама можешь жизнью поплатиться. Придут вот его родные с вилами и не посмотрят, что ты плохо училась.

– Отлично. Осмотрите малыша.

Подручные направились к кровати, а я – к Карнешу Тирлену.

– Господин Тирлен, вы меня помните?

Меня удостоили взглядом.

– Госпожа Ветана? Рад вас видеть. Почему вы здесь?

– У ребенка начался кризис, я не могла пойти искать вас.

А что еще я могла сказать? Задержалась, лечила...

– Он мертв?

Я распахнула рот. Может, и не аристократично, но слов не было. Вот так? При родителях, по живому? Ну, знаете ли!

– Н-нет...

Но больше сказать ничего не успела. Яра, растолкав окружающих, кинулась мне в ноги.

– Спасибо, госпожа Ветана!!! Спасибо!!!

Я оступилась и едва не рухнула бедной женщине (хотя при чем тут бедность, ребенок же выздоровел?) на голову, господин Арахо подхватил меня, господин Тирлен бросился осматривать мальчика, растолкав учеников...

Одним словом, отличилась! Молодец, Вета! Может, тебе табличку на шею повесить? С надписью: «притягиваю проблемы»! И так ходить, пока ума не наберешься? Хотя если его при рождении не было, то и потом не добавится...

Дура.

* * *

Спустя полчаса в комнате установился относительный порядок. Яра успокоилась, но по-прежнему не выпускала из рук Диана, который уже успел очнуться, напиться и уснуть нормальным сном выздоравливающего ребенка. Господин Арахо кидал на меня благодарные взгляды. Карнеш Тирлен расхаживал по комнате взад-вперед, остальные лекари убирались с его пути. Я устроилась в уголке, подальше от всех. И благодарных родителей, и лекаря. Не задуют в теплых объятиях, так при ходьбе сшибут. Оно мне надо?

– Госпожа Ветана, расскажите еще раз, что вы видели?

– Ничего особенного. – Я пожала плечами. – Искала вас, по дороге заглянула в палату, увидела, что у ребенка сейчас начнется кризис, отослала родителей, чтобы не мешали своими воплями, напоила малыша жаропонижающим...

– Каким?

Я послушно протянула пакетик с корой ивы. Лично собрала, высушила и истолкла в порошок. Карнеш посмотрел недоверчивым взглядом.

– Это? И все?

– Да.

– Но... у мальчика было воспаление мозга. И выжить он никак не мог!

Я помотала головой.

– Да нет же! Господин Тирлен, если бы у него все было так серьезно, он бы точно умер! Может, просто что-то похожее? Например, воспаление уха? И если он еще падал...

Карнеш задумался. Прищурился на Яру с супругом.

– Скажите, любезная, а как себя чувствовал ваш ребенок сегодня? Два дня назад я помню, а сегодня?

– Плохо.

– У него был жар? Судороги? Тошнота? Сыпь?

Яра смотрела непонимающими глазами.

– Ему плохо было. Горячница у него была, вот!

– Горячница?

– Ну да! Плохо ему было!

Я прикусила язык.

Готова остричься налысо, если Яра сейчас не разыгрывает тупую рофтерку! Прекрасно она понимает и смысл вопросов, и то, какого ответа ждет лекарь, но...

Он ее ребенка бросил. Вчера не пришел. И сегодня привел учеников показать умирающего. Не помочь, нет. Просто поучить на живом примере, даже не подумав, что матери это будет больно. Рофтеры же! Отребье, отбросы, люди без родины, чести и совести. И чего с ними считаться?

Я понимаю, что учат на живых людях, но меня иначе на-таскивали! Никогда, никогда Марта не расспрашивала меня у постели больного! Всегда выводила из дома и носом в про-махи тыкала! Потому что не стоит человеку знать, что с ним.

Иногда попросту не стоит! А вот так, обсуждать умирающего ребенка в присутствии его матери – это даже не жестокость. Это как у мясника. Для него корова не живое существо, а ходячая колбаса. Вот и для Карнеша Тирлена это не умирающий малыш, а интересный случай. Так он и отнесся. А я пришла и поддержала. Помогла. И меня просто... защищают?

Да, похоже на то.

Непрофессионально так относиться к больным людям? Да, знаю. И неумно, и нелогично, и я себя раньше растрachu, чем кому-то помогу, и... И плевать на все эти доводы! Стоит только заглянуть в глаза ребенка, чтобы отбросить их, как ненужную тряпку. Пусть я неумеха и ничего не понимаю, но здесь и сейчас – я права. И я в своем праве!

– Он бредил?

– У него горячница была! Плохо ему было!

В таком духе диалог продолжался около пяти минут, а потом господин Тирлен махнул рукой. Тупая баба, что тут скажешь? Совсем тупая и безграмотная, спасибо, нос подолом не вытирает. Куда уж ей объяснить что-то серьезное?

И мужчина обратил внимание на меня.

– Госпожа Ветана, я рад, что вы пришли. Жаль, что сегодня вы не участвовали в осмотре, но, думаю, сегодня у нас еще найдется, чем заняться.

И словно в ответ на его слова, в дверь просунулась голова прислужницы.

– Господин Тирлен! Там человека привезли! Ножевое...

Карнеш Тирлен мгновенно подхватился и исчез за дверью.

Недолго думая, я последовала за ним.

* * *

М-да. Если это не серьезное ранение, то что называть серьезным? На полу корчился от боли парень лет двадцати пяти. Из его бедра, ближе к паху, торчал деревянный кол.

Карнеш действовал быстро. Запрокинул парню голову, прощупал пульс на шее, кивнул, вытащил из кармана пакетик с порошком и подал помощнице.

– Спить.

Я узнала резковатый запах. Маковое молочко, так-то. Гадость редкостная, но от сильной боли может помочь.

Пока помощница разводила порошок в воде, Карнеш уже успел разрезать на больном пропитавшиеся кровью штаны. Посмотрел на меня.

– Что скажете, госпожа Ветана?

– Надо извлекать, чистить рану и перевязывать. Кость целая?

– Прощупайте?

Парень едва не шарахнулся от моих рук.

– Это что?! Баба?!

Очень захотелось в лоб стукнуть.

Карнеш фыркнул.

- Привыкайте, Вета. Я могу вас так называть?
- Да, господин Тирлен.
- Карн. Мы здесь все по именам, без церемоний.
- Да, Карн.

Я пробежала пальцами вдоль кости. Служительница спавала парню разведенное маковое молоко, тот кривился, но глотал.

– Не сломана. Но я бы все равно проверила, слишком близко этот штырь сидит к кости. В ране могут остаться осколки.

– Проверим.

Служительница сноровисто придвинула столик, водрузила на него поднос с разложенными инструментами, Парень смотрел на все это достаточно благодушно. Маковое молочко не слишком быстро действует, но больно ему точно не будет. Пока мы наметили план операции, пока решили, как действовать, прошло не меньше десяти минут. Глаза юноши остекленели.

Карн сноровисто протер чем-то вроде винной выморозки место операции. И принялся извлекать штырь. Рассек ткани. Парень корчился, прикусывал предусмотрительно сунутый в рот жгут, но не кричал.

Полилась кровь. Горячая, красная.

В ране действительно обнаружились и щепки, и даже крохотный осколок кости. Не вычисти мы все это – мальчишка попрощался бы с ногой, а то и с жизнью. Гангрена – штука

такая, тяжелая.

Я подавала инструменты и получала искреннее удовольствие. Мастер, какой же мастер! В эту минуту я простила Карнешу все. И его пренебрежительное отношение к рофтерам, и безразличие к гибнущему ребенку. Он работал, словно вдохновенный художник. И я, забыв обо всем, с восхищением участвовала в создании самого лучшего произведения искусства на свете – здорового человека.

Через полтора часа все было кончено, и мы с Тирленом посмотрели друг на друга иначе. Он на меня – с интересом. Я на него – с искренним уважением.

– А у вас хорошие руки, Вета.

– Благодарю, Карн. Я с таким удовольствием наблюдала за вашей работой!

– И не только наблюдали.

– Да. Это было... потрясающе!

Светлые глаза блеснули, губы сложились в улыбку.

– Столько лет прошло с тех пор, как я слышал нечто подобное от юных девушек.

Я посмотрела с опасением. За время своей одинокой жизни я уже поняла, что некоторые мужчины считают себя Божьим даром. Хотя не тянут даже на яичницу. Но потом заметила хитрые искорки в глазах, морщинки, разбежавшиеся от уголков губ, – и тоже рассмеялась.

– Не сомневаюсь, ваша жена вам это говорит регулярно!

– Да. Вот уже больше сорока лет. Эх, старость – не ра-

дось.

Из палаты мы выходили почти друзьями.

– Вета, у нас здесь все достаточно просто. Зеленую накидку я вам дам, заодно платяя спасете.

– Буду очень благодарна.

Дома у меня было несколько фартуков, но не всегда успеваешь их надеть. Разные случаются ситуации.

– Я закреплю за вами несколько палат. Люди, которые попадут в них, будут на вашей ответственности.

– Благодарю за доверие.

– Нас тут всего шесть врачей, и мы не можем отдавать все свое время лечебнице для бездомных. А потому...

Подтекст я поняла.

Это не доверие. Это испытание.

– Всего шестеро?

– Есть еще трое, но вы сами поймете, почему на них не стоит рассчитывать.

Я подумала пару секунд.

– Вино?

– Вино, маковый сок, а один – вообще чистоплюй. Сами увидите.

Я кивнула. Увижу, куда ж я отсюда денусь.

– Но я тоже не смогу уделять много внимания. Приходить через день? На несколько часов?

– Этого более чем достаточно. Вам еще нужно на что-то жить. Корона платит врачам, которые здесь подрабатывают,

но это – гроши. Так что если больные станут вам что-то платить – берите. Не обеднеют.

Я прикусила губу, решив не спорить.

Кто не обеднеет, идет к лекарю. Сюда попадают те, у кого нет денег. Или кто оказался в сложной ситуации. Вроде этого паренька с пробитой ногой. И брать с них деньги? Не знаю. Как-то это...

– Вы не наследница состояния Моринаров, так что не спорьте. – Карнеш поморщился. – Сами поймете. Служителям я вас представлю сегодня же, чтобы знали, с кем имеют дело. А то народ у нас нагловатый, не рывкнешь, не пошевелится. Покажу, где хранятся запасы трав и перевязочного материала, инструменты... Ну и работайте. А я помогу и пригляжу. Буду рад, если вы придете ко мне на обход.

– Обязательно, Карн.

Радужная мечта потеряла пару перьев из пышного хвоста. С другой стороны, а что я хотела? Чтобы мной занимались, учили, обратили внимание? Чтобы рядом был кто-то близкий? Мне так одиноко здесь, в Алетаре, сколько бы людей ни было рядом. Просто одиноко. Я не привыкла быть одна.

Сейчас я получила нечто иное. Наставника и возможность практики.

– Ну и если что-то пойдет не так – тоже приходите, Вета. Я помогу.

– А если вас не будет в этот день?

– Ничего страшного. Подождут. Я широко открыла глаза.

Подождают?

Это же люди! Им плохо, больно, они страдают!

Карн словно прочел мои мысли.

– Вета, это не просто люди. Это отребье с городского дна. Даже Желтый город слишком хорош для них. Поверьте, их жизнь и так достаточно коротка. Днем больше, днем меньше.

– Наверное, вы правы, Карн.

Надеюсь, мой голос звучал достаточно убедительно. Но я же аристократка? Мы учимся лицемерить сразу, как только выползаем из колыбели.

Карнеш потрепал меня по плечу и улыбнулся.

Я старательно опускала глаза в землю. Отребье? Из Желтого города? Видит небо, я и сама сейчас живу там и вижу это отребье каждый день! Это – люди! Хорошие ли, плохие, но живые люди! Со своими мечтами, страхами, чаяниями и отчаяниями. И относиться к ним, как к... материалу на платье?

Не могу. Не могу и не стану. И если уж судьба привела меня сюда, я научусь, чему возможно, у Карнеша, но постараюсь остаться человеком.

Я очень постараюсь.

* * *

Стук в дверь никогда не становится неожиданностью для хорошего лекаря. Так что открывала я уже вполне привыч-

но. И была искренне удивлена, обнаружив на своем пороге старую рофтерку.

На вид ей было лет семьдесят, может, даже больше. Полностью белые волосы, изборожденное морщинами лицо, но в то же время – яркие темные глаза, черные брови и ресницы, прямая спина. Темное платье с красной оторочкой по вороту, рукавам и подолу из грубой материи сидело на ней, как на королеве, а наброшенная на голову шаль выглядела почти мантией.

М-да, к такой не проявишь неуважение. Было в ней нечто... королевское.

– Здравствуйте?..

Я посторонилась, пропуская женщину в дом.

Рофтерка зашла, огляделась и кивнула.

– Ты – Ветана? Лекарка?

– Да, я.

– Хорошо. Я не больна, я пришла сказать спасибо. За дочь и внука.

– Я ничего не сделала. Ваш внук выздоровеет сам.

– Врешь.

И настолько безапелляционно это было сказано, что продолжать не захотелось. Да, вру. Только вот не думала, что меня на этом поймают.

– Госпожа...

– Зови меня Ларта.

– Госпожа Ларта, я не считаю свой поступок... необыч-

ным. Так обязан был поступить каждый лекарь.

Рофтерка прищурилась.

– Хотя нами откровенно брезгуют? Мы же ворует, гадаем? Мы – другие.

– Больные люди все одинаковы. Разве нет?

– Не врешь. Это хорошо. Я пришла поблагодарить деньгами, а вижу, что тебе нужно другое.

– Мне ничего не нужно.

– Ошибаешься. Я смотрела на судьбу своего внука. Все дороги вели в туман, кроме одной. И на ней повстречалась ты. Могла пройти мимо, но остановилась и помогла. Теперь у него все будет хорошо.

– Я тоже на это надеюсь. Он очень милый ребенок, – честно сказала я.

– А чтобы у тебя все тоже было хорошо... Дай руку!

– Зачем?

– Посмотрю на твою судьбу.

– Я в это не верю.

– А я и не буду ничего говорить. Только самое необходимое. Не то начнешь метаться, наделаешь глупостей. Не стоит вам знать лишнего. Протяни левую ладонь.

И я повиновалась.

Рофтерка взяла мою руку, сжала. И замолчала. Узловатые сухие пальцы были удивительно холодными, словно она куски льда в руках держала. Взгляд ее расфокусировался, поплыл, она чуть пошатнулась. Второй рукой я невольно под-

держала пожилую женщину под локоть. Упадет еще, лечи потом.

Дар молчал. Что бы ни делала госпожа Ларта, на него это не влияло.

С побледневших старческих губ сорвались тихие слова.

– Не верь ни свету, ни тьме. Не бойся ни жизни, ни смерти. Это две стороны одной монеты. Иногда убить – значит спасти. За тобой три зла. Зло в прошлом, зло в настоящем, зло в будущем. Два зла могут сожрать друг друга, третье – тебя. Пожалеешь многое – потеряешь все. Зло уже идет. Берегись добра, оно бывает злее.

Через пару минут пальцы медленно разжались. Старуха... да, сейчас уже именно старуха пошатнулась и опустилась бы на пол, не подтолкни я ее к стулу.

– Садитесь! Что случилось?

– А ты не знаешь? Сама, небось, так же выкладываешься? – проворчала рофтерка.

И я поняла.

Да, безусловно, дар у нее был. Какой?

Не знаю. Но воздействие на мага требует куда больше сил. Так что пришлось хлопотать по хозяйству. Выставить на стол малиновый взвар, который грелся на очаге, достать мед и лепешки...

После третьей лепешки госпожа Ларта заулыбалась и пришла в себя.

– Спасибо, что мимо внука не прошла. Но учти – тебе в

ближайшее время придется тяжело.

– Я и не сомневалась.

– Вот и дальше не сомневайся. О будущем я ничего не скажу, кроме одного. Жить тебе в любом случае долго. Пойдешь верной дорогой – будешь счастлива. Все у тебя будет. И семья, и искренность, и... ладно. Это не важно. Но лжи в твоей жизни не будет. Уж к добру ли, к худу...

Я пожала плечами.

– Не знаю. И решать сейчас не стану.

– А ты не дурочка. Что я сказала – помнишь?

Помнила. А вот насчет содержательности... Гадалки на ярмарках примерно так и говорят. Разве что еще мужа обещают, детей и достаток. А так...

– А оно так и бывает. Скажи все простыми словами, вы такого наворотите, что пауки от зависти на паутине повесятся.

Я фыркнула.

– А если серьезно? То, что вы сказали, слишком размыто и расплывчато. Хоть что-то точнее есть?

– С вами, магами, точнее не бывает, – огрызнулась рофтерка. – Сила у тебя есть, сила растет. Что бы ты ни делала, ей это на пользу, я-то вижу. А остальное... Что тебе сказать? Иди вперед и не оглядывайся назад. Прошрое тебя само нагонит.

– Но...

– Все зависит от твоего выбора. Не смотри на слова, смотри вглубь. Тогда все получится. И ничего не бойся.

Я помотала головой. Взгляд рофтерки стал почти умоляющим.

– Не могу я тебе больше ничего сказать! Не могу! Ты сейчас в такой паутине, что одно слово судьбу поменяет. А я тебе зла не хочу...

Насчет паутины я и не сомневалась.

Женщина подумала, потом сняла с пальца кольцо. Простенькое, медное, с голубым камушком.

– Примерь на удачу!

Я протянула руку, и кольцо легко скользнуло на безымянный палец. Слово всегда там и было.

– И не снимай. Оно заговоренное, чтобы зло тебя стороной обходило.

– А поможет?

– Не сомневайся. Я сама металл кровью поила, когда кольцо ковали, сама на перекрестке семи дорог заговаривала. Но-си смело.

– Спасибо.

– Хорошая ты девочка. Хоть и знать.

– Я не...

– Не ври. А то я ублюдка от породистого щенка не отличу! Имени я не вижу, а вот корону над колыбелью... Сказать – какую?

Я замотала головой.

– Не надо.

– То-то же. Не бойся, все у тебя будет хорошо.

Я тоже на это надеялась.

* * *

Уже давно ушла рофтерка, мне бы заняться делом, а я все сидела, крутила на пальце кольцо, смотрела в окно. Как-то нехорошо было на душе. Зло из прошлого – кто? Жених? Да, пожалуй, никого другого там не было. Или родители, которые хоть и не со зла решили отдать меня садисту? Оно идет... за мной? Зло в настоящем. Кто? Маркиз? Герцог? Кто-то еще?

Нет, не угадать.

Утешает, что два зла могут сожрать друг друга. А вот третье, из будущего? С другой стороны, мне бы с имеющимися разобраться.

Прошрое само тебя нагонит...

Неужели?

Отец, жених... кто? Кто идет по моим следам? И можно ли уйти от судьбы, если я сейчас все брошу и уеду из Алетара?

А уезжать не хочется. Влюбилась я в этот город. И отлично понимаю Алетара Раденора, который его построил. Я влюблена в крики чаек, в запах моря, в темно-синюю полосу на горизонте, в запах можжевельника на берегу и строгие очертания дворца, который закатное солнце окрашивает в нежно-розовый цвет. Влюблена в чистые улицы и дома с крас-

ными крышами...

Я по уши влюбилась в золото песка, в заборчики, оплетенные плющом, хмелем, виноградом, в разноголосицу на десяти языках, в шум и суету припортового рынка... Алетар стал частью меня. Он проник в мои вены, и я не хочу расставания. Получится ли у меня здесь остаться?

Не знаю.

Но дом я здесь куплю, и прошение о гражданстве подам. Тойри Ветана, раденорка, алетарка, лекарка. Не так плохо?

Кто-то скажет, что баронесса выше титулом, но я готова уступить барона Артау кому угодно. А мне – достаточно имеющегося. С даром своим еще бы разобраться...

Ничего. Будем практиковаться в лечебнице для неимущих. Те, у кого есть деньги, идут к лекарям. А в лечебницу привозят кого не жалко, вот и...

Кажется, я понимаю, что делает там Карнеш Тирлен. Денег он берет много, тех, кто может воспользоваться его услугами, единицы, да и клиентами он перебирает. Значит, навыки теряются. Богатых-то не просто лечить надо – вылечить. А где руку набивать? Да вот в лечебнице и...

И выглядит со стороны великолепно: вот какой я милосердный! Помощь людям оказываю. И поле для практики более чем обширное. Да такое, что за многих никто с него и не спросит. Хоть каждого второго умори. Кто жаловаться будет? Моряки, вечное перекаатиполе? Рофтеры? Нищие? Проститутки? И кто их будет слушать?

А самое плохое, что и я-то тоже отрабатываю на них свой дар. Порядочно ли это?

Нет.

С другой стороны, я и не собираюсь казаться лучше, чем я есть. Пусть это не самый красивый мой поступок, но мы в результате получаем что хотим. Люди – избавление от боли. Я – рассеивание своей силы и наработку практики. И все довольны. То же и с господином Тирленом. У каждого своя выгода. И так в чем-то честнее, чем прикрываться высокими словами.

Кольцо подмигнуло медным бочком. Странно, медь со временем темнеет, а это... Гладкая голубая пластинка полностью утоплена в медный ободок. Не помешает, не зацепится... Знала старуха, что дарить.

Что ж, положимся на судьбу. Пусть кольцо отведет от меня зло. А сейчас – спать. Завтра будет тяжелый день.

Глава 2

Маркиз Террен посмотрел на верного Лорта. Сейчас мужчина чувствовал себя намного лучше, а потому и окружающим миром интересовался гораздо интенсивнее.

– Так что удалось узнать по нашей девочке?

– Очень мало. В Алетаре она около года.

– Вот как?

– Пришла с караваном, который вел шифф Нарис.

– Откуда?

Лорт замялся.

– Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Возможно, позднее.

– Почему?

– Госпожа Лимира была занята переживаниями за дочь и не обратила внимания, когда девушка прибилась к каравану. Это же не дорогая карета, а дешевые телеги. Кто-то появляется, кто-то уходит...

Маркиз кивнул.

– Насколько мне известно, у шиффа есть записи.

– Да, но шиффа сейчас здесь нет. Он ушел в Мирол, к его западной границе, в загорье.

Маркиз нахмурился.

– Тебе не кажется, что эта... госпожа – врет?

Лорт покачал головой.

– Не думаю. Можете с ней сами поговорить, господин, но... это ж не благородная дама. Это мать, которая ехала к больной дочери и не знала, застанет ли ту в живых. На Ветану она обратила внимание после несчастного случая.

– Какого?

– Была гроза. Молния ударила в дерево, пострадали люди. По свидетельству госпожи, именно наша девочка оказала им помощь и сделала это хорошо. Никто не умер. После этого шифф перевел ее в «чистую» часть каравана и снизил плату, а сама Лимира решила воспользоваться ее услугами.

– И не прогадала.

Маркиз задумчиво потеревил пальцами кустистую седую бровь. Раньше и брови, и ресницы у него были черными, но после того удара поседели. Он весь стал словно лунь, и это огорчало маркиза. Знать, конец близится. Но хоть дела свои он уладить сможет. А если повезет – то и о сыне позаботится.

– Откуда шел караван?

– Так из Миролы.

– Наша девочка из благородных, определенно.

– Или бастард. Может быть и так, и этак.

– Надо потихоньку навести в Мироле справки. Сначала в той части, которая на нашей стороне гор, потом и в загорье. Искать будем молодую девушку, аристократку, какая она есть. Заметь – мага.

– Именно аристократку?

– Да, Лорт. Не верю я в бастарда. Девочка прячется что

есть сил, но внутреннее достоинство не скроешь. Будь она приемышем, вела бы себя иначе. Была бы благодарна, покорна, унижена... Когда получаешь кусок хлеба из жалости, это очень заметно. Ветана не такая. Когда она расслабляется, то ведет себя, как и моей жене не всегда удается.

Лорт непочтительно хмыкнул. Госпожу маркизу он не слишком уважал.

Да, девочку взяли из нищеты, чтобы родить наследника, разыграли втемную, только она-то этого не знала. И клятвы свои брачные нарушала осознанно. К тому же была достаточно легкомысленна, глуповата и простовата. Ну какая умная женщина признается первой встречной лекарке?

Так что маркизу Лорт не уважал, но внешне этого не показывал. Наоборот – отношения у них были самые безоблачные. И это понятно. Маркиз умрет, а наследник его останется. И Лорт будет рядом, как заботливый дядюшка и воспитатель. А для этого Даилина Террен должна быть уверена, что Лорт предан как ее мужу, так и ей. Равноценно.

Маркиз наградил друга насмешливым взглядом.

– Ты все понял?

– Да.

– Шифф Нарис водит караваны только по Миролу?

– Насколько я знаю – да. Но это ничего не дает. Девочка могла сначала прийти в Мирол, а уж потом к нам. И не похожа она на миролку, те светленькие.

– Могла. Но будем надеяться на лучшее.

– Это займет время. Много времени.

Маркиз кивнул.

– Пусть так. В конце концов... Обидно умирать, не разгадав эту тайну!

Лорт хмыкнул еще непочтительнее.

Было в могущественном маркизе нечто мальчишеское. До сих пор не убитое жизнью и временем. И пусть об этом знал только он – не важно. Хорошо, когда твой друг не просто дворянин, но и человек. Очень хорошо.

И все же доверять тайну Ветаны маркизу Лорт не спешил. Еще наделает каких глупостей, потом не расхлебашь. А поискать, кто она и откуда прибыла... При всем своем уме маркиз немного наивен и твердо уверен, что Лорт от него никогда и ничего не скроет. Собственное мнение Лорта в расчет не бралось. А оно имелось.

Лорт был свято уверен: если знает один – не знает никто. Знают двое – знает Алетар. О маге жизни известно пока только ему. Сама Ветана не в счет, молчать будет из чувства самосохранения. А Лорт промолчит... да по той же самой причине!

Жить охота! Долго и счастливо! И чтобы маркиз жил, и семья его. Если о маге жизни узнают, начнется такое... Ветана уцелеет – кто же убивает такое полезное существо. А вот маркиз? Кто он для Храма? А сам Лорт? Даилина?

Их просто уничтожат. Не те, так эти, чтобы никто не проговорился. Потому что Риолон и Теварр не одобряют появле-

ния в Раденоре такого полезного субъекта. И могут принять решение в духе: «не мне, так и не врагу».

Так что...

Молчать, молчать и еще раз молчать. И молиться, чтобы тот убитый храмовник никому и ничего не успел сказать. Крепко молиться, авось Светлый услышит.

Но вслух Лорт ничего не сказал. Просто согласился с маркизом и отправился узнавать о прошлом Ветаны, что сможет.

* * *

От градоправителя я выходила счастливая и довольная. Я – алетарка! С этой самой минуты я – алетарка! Хотя далось не просто. Еще Алетар Раденор распорядился так. Если человек хочет переселиться в Алетар, он должен иметь здесь собственность. А Александр Раденор добавил еще несколько примечаний. Хочешь получить гражданство – изволь три года отработать на благо приютившей тебя страны. Официально.

Как?

Да хоть улицы мети, кто тебе запретит? Важно, чтобы официально работал и приносил пользу приютившей тебя стране. А зачем ты иначе нужен? Просто потому что это ты – и ты хороший?

Раденоров подобное не убеждало. Хороших много, места мало.

Разумеется, узнав о моей работе, градоправитель отправил меня именно в ту лечебницу для бедных. На три года. И я не возражала. Прийти на рассвете, уйти в полдень, а остальное время – мое, личное. Платят, конечно, копейки, пять золотых в месяц, но ведь и подрабатывать не запрещают? Дом мне теперь снимать не надо, одежда есть, а остальное... Справлюсь. Заработаю.

Вот с этими мыслями и приказом я и отправилась в лечебницу.

Карнеш был там.

– Вета?

– Утро доброе. А я тут с приказом...

Тиrlen взял у меня из рук свиток. Прочел, подумал пару минут.

– Так... пошли?

– Куда?

– К начальству твоему. Договариваться будем.

– Зачем? – искренне не поняла я.

Пришла к начальнику, показала бумагу, получила работу... Разве нет? К чему тут еще и помощь?

Карнеш потрепал меня по волосам, почти отечески.

– Эх, Вета. И откуда ты такая наивная взялась? Вот смотри. Лечебница – большая. Приходящих лекарей – шесть. Болящих тут несколько сотен, а лекарей, которые числятся на службе, всего три штуки. И тут ты. Четвертая. Являешься и говоришь, что готова работать! Как ты думаешь, что про-

изойдет?

Пожала плечами. Откуда я знаю?

– На тебя повесят обязанности всех врачей. Ты тут не до обеда работать будешь, а круглосуточно.

Работы я не боялась. Но...

– И учти – ты сейчас в некотором роде существо бесправное.

– То есть?

– Если тебя отсюда выгонят, в канцелярии градоправителя могут и отказать в получении гражданства.

– Почему?

– Потому что у местного главного есть неплохие связи. Так что пошли договариваться.

Карнеш полез в шкаф и извлек бутылку старого и даже по виду весьма дорогого вина.

– «Ирнейская лоза», двадцатилетка.

– А зачем?

– М-да. Учить тебя и учить. Запомни на будущее: в кабинет к начальству надо открывать дверь ногой.

– Зачем?

– Не зачем, а почему. Потому что руки заняты.

Я помотала головой и решила довериться старшему. Авось хуже не будет? Почему-то в комплект умений аристократки (язык цветов, кокетство, язык веера, шитье, варка мыла, ведение домашнего хозяйства и прочее) не входило умение договариваться с вышестоящими личностями. Во

всяком случае, *так* договариваться. Вот с королем, с более титулованными... Но и тогда... А с *начальством*? Нет, этого в жизни аристократов не бывает. Нет у них начальства. Увы. Будем учиться.

* * *

Управляющий лечебницей для бедных оказался мужчиной в возрасте. На первый взгляд лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Седой, полноватый, крепко сбитый, с красноватыми прожилками на носу, которые явственно указывали, зачем Карнеш взял бутылку. Тирлену он обрадовался, как родному.

– Карн! Заходи, дружище! А это кто?

– А это моя девочка, помнишь, я говорил?

– А, Ветана... да?

– Память у тебя, Растум, десятерым бы хватило!

Мужчина расплылся в довольной ухмылке.

– Да вы проходите, садитесь. Как дела, Карн? Как жена, дети?

– Не жалуемся. Жена пилит, дети денег требуют, все как обычно. Ты-то как?

– Мысли читаешь, дружище. Все то же, все так же. Тяжко.

– А куда денешься?

– Это верно. И некуда, и неохота. Так что тебя ко мне пришло?

– А если я просто о здоровье справиться? О жене, о детях?

– Э, нет. Ты бы попроще вино взял. А «Ирнейская лоза» двадцатилетней выдержки так просто не распивается.

Карнеш ответил широкой улыбкой.

– Умен ты... Слушай, девочка за гражданство старается, ее к тебе на три года отправили. Поможешь?

– Что, она вообще работать не хочет? Тогда бутылкой ты не отделаешься!

– Хочет-хочет. Просто... Не наваливай на нее сверх меры? На рассвете пришла, в полдень ушла?

– Ты же знаешь: у меня трое, да ты еще...

– Загонишь девочку – хуже будет. Ручки у нее золотые, голова тоже светлая. Поможешь – так она лучше меня будет!

Вот тут я удостоилась заинтересованного взгляда маленьких голубых глазок.

– Серьезно? *Такая же* умница?

– *Пока* – нет. Но надеюсь, что только – пока.

Показалось мне – или что-то свое они вложили в эти фразы? Не знаю, нет, не знаю. Хоть меня родители и учили, но ко двору я не выезжала, практики маловато.

– Тогда Светлый просто велел ее поучить. Значит, так... – Мужчина повернулся ко мне. – Про закрепленные палаты, конечно, забыть придется. Будешь, как и остальные. Пока Карнеш тебя поучит...

– Растум!

– Ну ладно! Месяц будешь в ученицах у Карнеша, потом

начнешь работать наравне с прочими. Карн, познакомь девочку с ними!

– И так собирался.

– А я тогда со следующего месяца расписание перекрою. Так что настраивайся, девочка. Три дня с рассвета до полудня, потом суточное дежурство, выходной и опять три дня с рассвета до полудня. Поняла?

Я подумала.

– Да, кажется, понимаю. Спасибо.

Все логично.

Лекарь в лечебнице быть должен круглосуточно. Хоть один. Мало ли что? Мало ли кому плохо станет. Соответственно, если нас четверо, то сутки через трое. И на следующий день отсыпаться. Это правильно.

– Скажите, господин...

– Харни Растум. Можешь просто Растум.

– Господин Растум, а смогу я принимать своих больных, если ко мне придут?

Мужчины переглянулись с непонятым выражением. А для меня этот вопрос был нешуточным. За время жизни в Желтом городе я обросла знакомствами, друзьями и даже постоянными больными, которым могла понадобиться в любое время дня и ночи. И сказать им, где меня искать, или записку оставить...

– А девочка-то не промах, – хмыкнул мой... да, теперь мой начальник!

Так странно...

– Она умничка. Я же говорю – подучить надо.

Растум снова хмыкнул и выставил на стол два стакана.

– Ладно. Подучим. Что, разливай!

– Сейчас. Вета...

Поняв намек, я встала и чуть поклонилась. Вежливо так.

– До свидания. Завтра я прихожу?

– Да, буду ждать, – отозвался Карнеш.

Я закрыла за собой дверь и быстро огляделась. Никого. Да, знаю, аристократки не подслушивают. Только я теперь в мещанском сословии, а значит – можно!

Из-за двери донеслись мужские голоса.

– Ты где эту девочку нашел?

– Сосватали. Сказали – неглупая, руки вроде хорошие.

– А сосватал кто?

– Не поверишь! Моринар. Который палач.

– А он к ней каким боком? Любовница?

– Шутить изволишь? Ты девочку видел? На ней крупными буквами написано – не тронь, укусит!

Не укушу. Но пну. Больно.

– А тогда что?

– Да я точно не понял. Его ж не расспросишь. Сказал – столкнулся.

– А девчонку ты не расспрашивал?

– Раст, ты иногда как скажешь... Ты бы рассказал?

– Нет.

– Вот и она не скажет.

Сказала бы. Чего тут скрывать? Эта история – позор для герцога, а не для меня, вот!

– Так что подождем. Приглядимся, приручим...

– Ты ее в свою команду хочешь?

– Не знаю. Посмотреть надо. Шарт что-то юлить начал...

Послышались шаги. Я совершила громадный бесшумный прыжок и с самым независимым видом направилась прочь. Сегодня дома отдохну. Если получится.

Мимо меня пронесся мужчина лет тридцати. Высокий, худой, усталый, под глазами круги, лицо аж серое... Зеленая форма. Лекарь? Один из моих коллег?

Но дверь к начальству он распахнул пинком.

– Растум! Если ты эту шалаву не уволишь, я тебя сейчас самого...

Дальше пошла такая матерщина, что я сморщилась и ускорила. Фу...

* * *

Отдохнуть дома мне не дали. И часа не прошло, как поскреблись в окошко.

– Госпожа Ветана, можно вас?

Можно меня, можно... Куда ж я денусь?

Девушка выглядела откровенно печальной.

– Что случилось?

– Отец...

Из грустного рассказа выяснилось следующее. Девушка – дочь плотника с красивым именем Хряст. Зовут ее Мелли, еще есть брат и сестра. Отец у нее замечательный. Настолько хороший, что мама сбежала еще лет десять назад, а вот детям бежать было некуда. Остались с любящим отцом – на свою беду.

Папа же с горя (а то не горе, что ли – на свет появился!) запил. И пьет вот уже лет пятнадцать. Мастер он – золотые руки. Мебель ему заказывают часто, и во время выполнения заказов он капли в рот не берет. А вот как выполнит, так и отмечает радость. И проходит это бурно. Очень. С топором за девушкой уж гонялись раз шесть. Почти рутина. Табуретками швырялись, убить грозились. Да нет! Не могли!

Это ж папа! Он хороший, просто несчастный!

Объяснять девушке, что пьяная скотина по определению несчастной быть не может, потому что это – скотина, ей такие высокие эмоции недоступны, я не стала. Просто молча слушала.

У девушки подрос брат. Ему на днях стукнуло четырнадцать лет, и парень вытянулся как-то резко, за год. Когда отец в очередной раз швырнул в девушку табуреткой, мальчишка перехватил ее на лету, да и пустил обратно. Так удачно, что дети до сих пор не знают, жив их батюшка или померши уже.

У меня язык чесался сказать, что я добивать не умею, но

пришлось молчать. Хотя зло брало при взгляде на терпеливое личико девушки. Убивала б таких папаш! У тебя же дети, семья, ты за них отвечаешь! И винище жрать?

С-скотина!

Жаль, нет такой магии, которая от вредных привычек излечивает. Маг воды может очистить тело человека от последствий подобных излишеств, только потом этот тип опять запьет. Или в смолку вцепится. И есть ли смысл трудиться? Хочет кто-то себя гробить?

Кабак в помощь!

Девушка моего состояния не замечала, а я слушала, как она рассказывает про отца, про брата, про сестричку, которая еще маленькая, так что она их, конечно, не бросит...

Конечно.

А спустя десять-пятнадцать лет, когда выдаст замуж сестру, кому будет нужна она сама? Но и уйти, оставив малышей с алкоголиком? И переживать каждый день, каждый час, как они там? Хорошим ли будет брак, где жена на две семьи рвется? И так плохо, и этак. Нет здесь верного ответа. Или себя загубить, или родных подвести.

Дом встретил нас тишиной и неодобрением. Тихо-тихо лежал мужчина на полу. Неодобрительно смотрел парнишка четырнадцати лет, сильно похожий на сестру. Тонкое лицо, вихры над высоким лбом, карие щенячьи глаза...

– Лекарка? К этой твари?

– Лерт! Прекрати!

Я скинула плащ и направилась к мужчине на полу.

Повернула, пригляделась.

– Мелли, погрей воды, пожалуйста.

– Да, госпожа Ветана.

Девушка исчезла на кухне. А я посмотрела на парня.

– А ты ведь его убить хотел, верно?

– Да пошла ты...

Но мне и так подтверждений не требовалось. Я все поняла по расположению раны. Над виском. Повыше, так, что жизни опасность не угрожает, но целились-то явно не сюда! Парнишка хотел убить.

– Я-то пойду. А вот куда отправишься ты, если его жизни лишишь?

Задавая этот вопрос, я успела уже достать ножницы и принялась выстригать место вокруг раны. Надо обработать, проглядеть. Да и заноз от табуретки... Даже странно. Плотник – и такое занозистое дерево?

– Не ваше дело.

– Не мое. Только и твоя сестра с малышкой не выживут, окажись ты на каторге.

Мальчишка насупился.

– Это вы Мелли не знаете. Она сама отцовские заказы до ума доводит.

Вот оно, значит, как? Что-то такое я и подозревала. Только...

– А ты представь, что о ней говорить будут? Репутацию

ты ей создашь такую, что только на панель идти. И то – не примут. Какая уж там работа, какие табуретки! Сейчас вы хоть что-то получаете, можете выжить, а потом? Или ты в чудеса веришь?

Парень насупился, но крыть было нечем.

– А что? Ждать, пока он меня зарует? Или Мелли?

Ждать определенно не стоило. Печально, но факт. Если папа имеет привычку швыряться табуретками, однажды ты обнаружишь себя в гробу. Потому как ему надо попасть один раз, а тебе уворачиваться – постоянно. И у кого везение кончится раньше – не вопрос. И так ясно.

– Я сейчас, конечно, ему помогу. Но... ты ему вино доставляешь?

– Я.

– Вот, возьми.

Я вытащила из сумки флакончик.

– Яд, что ли?

– Нет. Слабительное. Очень советую подливать, начиная с третьей бутылки. Опасности нет, но в сочетании с вином появятся у него и боли в животе, и рези, и понос на сутки. Не до табуреток окажется.

Мальчишка злобно усмехнулся.

– Спасибо.

Снотворное или что-то посильнее я давать не решилась. А вот слабительные капли в самый раз. Можно хоть весь пузырек выхлестать – ничего страшного не случится. Разве что

из туалета дней пять не вылезешь. Пусть пьет.

– Если что – я к вам еще обращусь?

– Твоя сестра знает, где я живу.

Закончила промывать рану, и теперь шила. Наживую. Все равно у мужика состояние бревна обыкновенного.

Я получила свою плату, попрощалась с ребятами и отправилась домой. Да, теперь это мой дом. Мой. Дом. И как же приятно это звучит!

Я дома...

* * *

Приближенный Фолкс готов был убить. Знать бы только – кого именно? Легко ли найти в Алетаре мага жизни? Сначала казалось – да. Шантр обещал, что-то сделал... И пропал! Вот и гадай теперь: то ли нашел мага жизни и сбежал с ним, обеспечив себя на всю оставшуюся жизнь, то ли нашел мага жизни и его убрали хозяева последнего? Не может ведь такое ценное имущество, как маг жизни, быть бесхозным? Не может, правда?

Или?..

Логика помочь не могла. Сведений было слишком мало. А остальное... Шантр Лелуши все же был почти гением. Ни один из отирающихся при Храме магов не мог не то что повторить его творения – даже просто использовать по назначению! Скандальный, сварливый, склочный, но Шантр тво-

рил такое, что оставалось лишь завистливо вздыхать. А сейчас...

Что толку, если одно устройство крутится и взблескивает синими огоньками, второе чертит спирали на песке, а третье показывает волны в хрустальном шаре? Результат-то где?

Ученики?

Да, есть такие при Храме. Но безмозглые. Шантр ведь толком их ничему не учил. Казалось, еще успеет. Жизнь распорядилась иначе. А делать-то теперь – что? Куда идти, где искать?

Лекарей вроде как проверили. Кто-то умирает, кто-то выздоравливает. Все нормально. Магов проверили. И где эта тварь прячется? Проверять по второму кругу?

Приближенный подумал и решил, что стоит подождать немного. Вот если будет еще всплеск активности... Надо выяснить, в Алетаре еще маг жизни или нет? Активность приборы установить могут, с этим ученики справятся. А там уж...

Храмы, если кто думает иначе, – это не просто место, куда можно прийти поплакаться и очистить душу. Это место, где из очистков души выуживают иногда настоящие жемчужины. Дать задание всем холопам – пусть расспрашивают прихожан. О лекарях, о чудесах, о магах. И как только что узнают – тут же проверять! Сразу и всенепременно! Иначе-то уже никак не получится!

Чтоб Шантра Темный лично драл, скотину такую!

На новую работу я шла с опасением. И зря. Стоило найти Карнеша, как все страхи развеялись дымом. Для начала меня проводили в большую свободную комнату. В ней имелся шкаф во всю стену, со множеством вертикальных секций. На дверцах были написаны имена врачей. Также стояли большой стол, несколько кресел, топчан, застеленный пледом сомнительной чистоты, а на окне — даже несколько горшков с цветами.

— Смотри, Вета. Это лекарская. Здесь мы отдыхаем, переодеваемся, пьем взвар, обедаем. Одним словом, все для врачей. Вот свободный шкафчик. Теперь твой. — Несколькими меловыми штрихами на дверце было быстро написано мое имя, и шкаф показал свои внутренности. Не пустые. — Здесь лекарская форма, два комплекта. Советую не стирать самой, а договориться с прачкой. Сюда каждый вечер приходит госпожа Лаури. Платишь шесть серебрушек в месяц — и она стирает твою форму. Оставишь грязное на скамейке, через день получишь чистое.

— А... не перепутается?

— Прикрепи на форму ярлычок со своим именем. Или просто имя вышей, мы все так поступаем.

— Понятно. Спасибо. А...

— Советую в лечебнице хранить запасную обувь. Скоро

осень начнется, зима, в сапогах будет тяжело. Да и грязь...

– Я принесу.

– Здесь в шкафчике сладости, вино, заварник, мед, варенье, травы... Обычно сюда идет благодарность от больных. Или если сама захочешь что-то принести.

Подумала, покачала головой.

– Я готовлю плохо, да и времени нет.

– Хорошо ли, плохо ли, а проставляться придется.

– Проставляться?

– За углом есть лавочка. Купишь там пирогов, несколько бутылок вина, и принесешь сюда. Скажешь – для коллег по работе. Пироги бери с фруктами. Не знаю, чье мясо туда питают, но...

Меня передернуло.

– Ладно. Когда?

– Сегодня вечером. Сможешь?

Смогу, куда я денусь.

– С коллегами я тебя по дороге познакомлю. А пока давай проведу по лечебнице. Младшему составу покажу.

– Младшему?

– Уборщицы, служительницы. Учти, с ними лучше не допускать панибратства. Командуй, а иначе на шею сядут. Они здесь не просто так работают.

– А...

– Сама увидишь. Пошли.

Меня подхватили под руку и повели по лечебнице, ком-

ментируя окружающее.

– Здесь перевязочная. Все бинты, все материалы хранятся здесь. Здесь кабинет для процедур. Мало ли, клизму поставить, не на глазах же у всех. Здесь комната для служительниц. Пошли.

Не успела я и «мяу» сказать, как меня втолкнули внутрь. И я захлопала глазами перед кучей народа. Это пару секунд спустя я поняла, что их всего семь человек. Но с первого взгляда показалось – толпа. И вся эта толпа воззрилась на меня недружелюбными взглядами.

– Доброе утро. Знакомьтесь, дамы, это госпожа Ветана. Она теперь здесь работает.

«Дамы» отозвались бурчанием разной степени недовольства. Я вглядывалась в их лица.

М-да...

Две девушки – явно «подвижницы». Из тех, кто стремится приносить пользу людям, но быстро перегорает. Еще четверо – дамы разного возраста, но одинаковой эмоциональной усталости. С печатью безразличия на серых от усталости лицах. И одна... Кажется, я поняла, о ком вчерашний лекарь сказал «шалава». Юбка с разрезом, кофта в обтяжку, грудь напоказ, волосы в прическу, краски на лице – соскабливай и стены штукатурь...

Зря вчера мужчина разорялся. Таких не выгоняют. Даже в нашем поместье была парочка. Очень, очень полезны, если знают свое место. Мало ли кто случится: гости, друзья, сы-

на просветить надо, хозяин с женой поссорился, напряжение снять придется...

Все я понимаю, но... не одобряю. Лицемерие?

Да, наверное. Тем более девица смотрела прямо на меня и нахально морщила нос. Ага, все крестьянки, а я дворянка? Так, что ли? Я в ответ прошлась по девице пристальным взглядом, но даже хмыкать не стала. Просто отвела глаза, как от кучи навоза на дороге. Есть – и ладно, чего там рассматривать?

Не укрылось это и от Карнеша.

– Тамира, я кому вчера сказал!

– А что не так?

Темного крабом! У нее и голос глубокий, грудной, с придыханием. Тренировалась она, что ли?

– Сиськи закрыть, краску смыть, волосы убрать под платок. У тебя пять минут, потом сам тебя за дверь выволоку, поняла?

Поняла. Не поверила, но решила не нарываться. Медленно прошла мимо нас, выписывая бедрами непонятные фигуры, сильно хлопнула дверью. Оскорбленное достоинство. Неоцененное. Интересно, ей не приходит в голову, что активнее всего зазывают на гнилой товар?

Потом мне представили оставшихся шестерых дам. Я старательно запоминала имена – по старой привычке аристократов. Это простонародью позволительно спутать знакомых. Мы же держим в голове не просто списки лиц и имен,

но и родословные.

И опять повели по лечебнице, показывая кладовые, кухню, палаты... Представили больным в трех палатах и объявили, что теперь я их личный лекарь. Палата с женщинами, с мужчинами, с детьми. Беспризорники с улиц, такие же мальки, как Шими. Всего четверо. Двое в беспамятстве, один со сломанной ногой, один после порки.

Ребенок. Десяти лет. Пойман на воровстве, выпорот, отдан в приют. Раны воспалились, и его отвезли в лечебницу. Лежит теперь на животе, лоб огненный. Жалко их. Взрослых – не так, а эти-то в чем виноваты? В том, что родители идиоты? Разные бывают обстоятельства, но...

Хотя какие, к крабам, «но»? Вот если я сейчас рожу ребенка, а потом со мной что-то случится, где окажется малыш? Да там и окажется. В приюте или на улице. И не факт, что выживет.

От таких мыслей даже слегка замутило. Но я продолжала обход вслед за Карном. Меня познакомили еще с двумя лекарями. Дорт Рональ и Терсан Лиртель со мной знакомиться не пожелали, ибо были – в хлам. От одного разило винищем, от второго – смолкой. Им сейчас что я, что королева – одинаково. С третьим лекарем мы тоже столкнулись, но в коридоре. Бертен Сенар как раз выходил из палаты.

– А, Карн?

– Берт...

Мужчины пожали друг другу руки. И Бертен (да, тот

самый, который требовал уволить некую шалаву) перевел взгляд на меня.

– А это еще кто?

– Госпожа Ветана. Будет здесь работать.

– Ты зачем соплюшку тащишь на нашу живодерню?

Я оскорбилась сразу за все. И за «соплюшку», и за «тащишь», и даже за «живодерню».

Хам! Портовый!

– Выражения выбирай, – осек его Карн. – госпожа Ветана – можно Вета – будет работать здесь, чтобы получить раденорское гражданство.

– Понятно. А сами вы откуда?

– Из Миеллена.

– Вроде тоже неплохое место. И какими судьбами к нам?

– Простите, но я предпочла бы не распространяться об обстоятельствах моей жизни, – поставила я наглеца на место.

Получилось плохо.

Бертен покачал головой.

– Карн, ты с ума сошел. Ее тут сожрут наши бабы.

– Приглядим...

– Это ты за себя говори. Мне и без сопливых девчонок работы хватает.

– Берт...

– Все, я пошел. Работы много.

Мужчина скрылся в следующей палате, хлопнув дверью. Карн посмотрел на меня.

– Вета, вы не злитесь. Берт хороший человек и лекарь отличный, просто он душой за дело болеет. Тяжело здесь работать. Ни лекарств в достатке, ни денег – ничего. А людям-то помочь хочется.

Вот именно. Хочется.

Но я и пришла сюда, чтобы научиться лечить. Все же Марта была хоть и замечательной, но только травницей. Я знаю многое о растениях, могу правильно их собрать, высушить, приготовить, могу принять роды, разобраться с переломами, ранами... А вот так, как Карнеш с тем парнем, – не смогу. Умения не хватит.

Тут ведь и сила не поможет, тут сначала руками нужно поработать. Что толку затянуть рану, если в ней щепки и осколки останутся? Нагноение гарантировано, горячка, вскрывать придется...

Не хватает мне опыта, ой не хватает.

Сила выручает, но ведь на силе не все сделать можно! Так что... Кому живодерня, кому школа жизни. Я буду учиться, и учиться усердно. И лекарскому делу, и распределять силы правильно. Чтобы никогда не терять больного по своей глупости!

* * *

Вечером я «проставлялась». Купила вина, купила пирогов, перезнакомилась со всеми лекарями и даже сама выпила

пару глотков. Хотя магам не рекомендуется, дар становится сложнее контролировать. Чем более ты пьян, тем активнее он рвется из-под контроля. Я бы и это не пила, но отвертеться не получилось. А остаток вина из бокала переключал в горшок с цветком. Авось выживет.

Начальник зашел на пару минут, похлопал меня по плечу, выразил надежду, что я приживусь на работе, и отправился домой. На этом торжественная часть была закончена, и все принялись за вино и пироги.

Лекари отнеслись ко мне по-разному. Бертен смотрел насмешливо и хмуро. Дорт Рональ и Терсаль Лиртен вино пили, но, по-моему, им что я, что свинья. Вот была б я ящиком с вином или комом смолки – дело другое.

Своих учеников Карн не пригласил – сказал, молоды. Приглашения не удостоились и служительницы. В их комнату для отдыха отнесли бутылку вина и несколько пирогов, и тем закончилось.

– Излишнее панибратство ни к чему, – поучал меня Карн. – Ты отдаешь приказы, они повинуются. Дай только волю, мигом на шею сядут и учить начнут. Они-то тут не первый год, а ты новичок, да девушка, да молоденькая.

Я не была с этим согласна, но и спорить не спешила. Карн здесь работает давно, ему виднее. А я пока послушаюсь, но пригляжусь сама, тогда и решу. Все же моя практика была проще, куда как проще. Я одна, наедине с больным, за мной только Светлый. Я и лечу, и убираю, и отвары готовлю, и бе-

лье стираю. А здесь куча народа, которым требуется командовать.

Похоже ли это на поместья?

Меня ведь учили быть женой, то есть строить прислугу в две шеренги, и чтобы никто не чихнул без разрешения. У меня неплохо получалось, но сработает ли это – здесь? Там-то я была априори главной. Меня бы слушались, потому что в моей власти было карать и миловать. А как здесь? Но занять свое место необходимо. Только вот как это сделать? Ничего, разберусь.

С этими мыслями я попрощалась и отправилась домой. Ушла недалеко. В десятке шагов от лечебницы меня нагнал Бертен.

– Я вас провожу.

– Благодарю, но я не нуждаюсь в провожатых.

– Женщине не стоит одной ходить ночью по Желтому городу. Все.

– Мне можно. Я лекарь.

Бертен посмотрел на меня уже раздраженно.

– Вета, либо вы соглашаетесь, чтобы я вас проводил, и мы идем вместе и быстрее, либо вы идете вперед, а я за вами. Одну я вас все равно не отпущу.

Я поморщилась, но согласилась. Пусть провожает.

Бертен так и сделал. Взял меня под руку так, что даже самая строгая компаньонка не нашла бы, к чему придраться, довел до дома, распрощался на крыльце и быстро ушел. Про-

сто проводил.

Странный он все-таки. Неплохой, но странный.

* * *

Следующие десять суток слились для меня в один бесконечный день. Я поднималась с третьими петухами, завтракала, одевалась, шла в лечебницу. Там меня ждал Карнеш и остальные лекари. Сначала – обход, потом мои личные больные. Их было много, очень много, так что я не могла помочь всем сразу. И это тоже оказалась учеба.

Вот лежит больной ребенок с жаром. Лечить его силой? Или просто прощупать, что намного легче, приказать растереть винными выморозками, закутать теплее и дать малинового взвара?

Первое проще и быстрее, второе требует усилий, но результат одинаков. Я же знаю, что вреда не нанесу, просто выздоровливать мальчик будет дольше. А дар лучше употребить на ком-то другом. Например, вот больной с гангреной. Получил рану, вовремя не обратился к лекарю, денег не было, грязь попала, рана загноилась, жар начался, а там и гангрена. Если она пойдет выше и сильнее, то ногу придется отнять. А если я осторожно, едва-едва касаясь своим даром, придам человеку сил, это и не заметят. Но выше болезнь не пойдет. И опухоль спадет. А силы у меня еще останутся.

Я старалась не выплескивать все сразу. Сдерживала себя,

как могла, жестко контролировала, и все равно из лечебницы выходила, словно на мне сутки рыбу возили. Дар вычерпывался до дна. Людей было искренне жалко.

Вот лежит проститутка с громадным животом. Ребенок – обычный риск в их работе, но эта совсем еще девочка. Не как Лита, моложе лет на десять. Забеременела, но не стала избавляться от малыша. Пока могла – работала, есть любители на беременных, потом случилось кровотечение, и она оказалась здесь.

А где еще?

Вообще, проститутки и нищие составляли бо́льшую часть клиентуры. Первых целители лечить брезговали, вторым банально не хватало денег на лекаря, вот и... Раненые, которые не могли о себе ничего сообщить, моряки, приезжие...

В лечебнице было несколько видов палат. Общие, на десять-пятнадцать коек, для вовсе уж безденежных, и элитные, на одну, на две койки. Для тех, кто мог заплатить. Разное ведь в жизни случается.

Вот в одной палате лежит проститутка, а в другой рядом с ней оказался младший сын маркиза. Ненадолго, правда. Служители его на улице подобрали, парень в таверне подрался, ну и получил как следует. В грязной драке на титулы не глядят, а дубинка не разбирает, кто твой папа. Да хоть бы и король! А отоварят по хребту, так вмиг про титулы позабудешь.

Если приглядеться, больные в лечебнице также делились

на две категории. Те, кому помощь нужна срочно, вот сию секунду, и те, кто ее уже получил и теперь лежал, выздоравливал. А вот с кем больше проблем?

Не знаю.

Те, кого приносили с улиц, как правило, находились в очень тяжелом состоянии. Требовалось мгновенно принимать решения, часто – резать наживую, зашивать, вправлять вывихи и переломы, принимать роды и лечить тяжелые состояния.

Те, кто уже лежал в лечебнице... Мало вылечить, нужно выходить. А вот с этим большие проблемы. В лечебнице попросту господствовала грязь. Больные лежали на нечистом белье. Если служительница была занята – так и в луже собственной мочи. Это все пахло, пачкало, вызывало пролежни и воспаления. А заняты служительницы были постоянно.

Конфликты начались уже на третий день пребывания в лечебнице.

* * *

Служительницы старались со мной лишний раз не спорить и не сталкиваться, я и так ходила раздраженная. Лечебница мне не нравилась. Я очень не люблю грязь. Она вызывает заражения, больные хуже выздоравливают в грязи. Собственно, грязь – первый враг любого лекаря. Но в лечебнице она царила повсеместно. Проще сказать, что не было грязь-

НЫМ.

Потолок. И то побелить бы не мешало. Все остальное...

Выскрести дочиста углы не озаботилась ни одна уборщица, максимум – размазать грязь по полу. Хорошо, если воду в ведре разок поменяют, а то и этого не сделают. Хотя колодец во дворе здания, и тащить ведро – аккуратно десять метров. Тут захочешь – не надорвешься.

Я бы и сама выскребла, но тогда не останется времени на больных. И так день забит до беспредела. На рассвете я прихожу в лечебницу. Там мы встречаемся с Карнешем и его командой, идем на обход. Это примерно на два часа.

Больные, раненые, в сознании и без сознания, одинокие и с родными... Все сливалось в единое пятно. Я и не думала, что их в Алетаре – столько. Моя практика – это даже не капля в море, это капля в мире.

Потом я шла к своим больным. У меня было пока три палаты. Самые маленькие и самые простые. В одной лежали пятеро беременных, в другой – семь раненых и в третьей – шестеро мужчин. Из них трое без сознания, трое – в тяжелом состоянии. Пока я обходила всех, выслушивала, проверяла состояние, в том числе и своей магией, наступал полдень. И я уходила, вымотанная вчистую.

Дома требовалось навести порядок, приготовить лекарства, да и люди заходили по-прежнему. Надо было оказывать помощь... Два дня так и прошли, на третий мне выпало ночное дежурство. Карнеш предложил заранее попробовать,

привыкнуть, и я решила, что это правильно.

Это был кошмар.

Дежурство началось с того, что служители приволокли пьяного матроса. Подрался, получил десять сантиметров стали в бедро, теперь лежал и грязно ругался. При виде меня мужчина оживился, протянул руки, попытался схватить меня за попу и потребовал вина.

Бить больных нельзя, даже если очень хочется. Поэтому я протянула стакан с винными выморозками, который тот осушил одним залпом и впал в пьяное оцепенение. Осталось привязать его покрепче и заняться раной. Извлечь нож, пережать сосуды, почистить, зашить, оставив дренаж...

Служительница по имени Сиента ассистировала, подавая зажимы, иглы, скальпели. Эта усталая хмурая женщина с громадными кругами под глазами была настоящим профессионалом. Даже просить не приходилось, она сама отлично знала, что нужно. Надеюсь, и я не ударила в грязь лицом, потому что смотрела она на меня без прежней неприязни.

Матроса отвязали и потащили в палату.

Я перевела дух ровно на три минуты, потому что в комнату влетела женщина с ребенком двух лет на руках.

– Мой малыш умирает!!!

Малыш выглядел подозрительно здоровым. Орал он так, как ни один больной не сможет. Видимо, из солидарности с мамой.

Я ловко выдернула его у женщины и пристроила на стол,

который сноровисто протерла та же Сиента.

– Что с ним?

– Ему плохо!!!

– А почему?

– Он монету проглотил!!!

Как оказалось, малыш дождался, пока мама отвлеклась, и нашел себе игрушку – папины штаны. Вытащил из них серебряную монету и слопал. А что – смотреть на нее, что ли?

Я невольно фыркнула. Прощупала мелкому грудь, живот...

Нет, в пищеводе монета не застряла. Значит, через пару дней есть хороший шанс увидеть ее в горшке. Кормить ребенка кашами погуще и ждать результата. Только если я это скажу его мамаше, она скандал устроит. Как же! Ребенку лекарства пожалели!

Я поманила пальцем Сиенту и шепнула ей пару слов на ухо. Та послушно убежала, чтобы через пару минут вернуться с небольшим синим пакетиком. Проверяю содержимое. То?

Очень даже то.

– Это надо добавлять ребенку в кашу. Три раза в день.

– Его что – одними кашами кормить?! – скандальным тоном возмутилась мамаша.

Понятно. Ответственность спихнули на других. Ребенок вроде как не умирает, в себя она пришла... Теперь надо на ком-то сорваться. Это не на мне. А то сделаю малыша сиро-

той.

– Будете кормить, пока монету в горшке не увидите, – на-
давила я голосом. – Вам что – нужно, чтобы сыну плохо ста-
ло?

– Да как вы можете такое говорить?!

– Значит, три раза в день варите ему кашу. Что-нибудь
обволакивающее и густое, вроде пшенки или овсянки. И до-
бавляйте в нее лекарство. Оно сладкое, так что слопает, ни-
куда не денется.

– Хорошо.

– Через три дня ко мне на осмотр, горшок проверять каж-
дый раз на предмет вышедшей монеты. Ясно?

– Д-да...

– Сиента, проводите маму к выходу.

Я с радостью сгрузила малыша в руки его родительницы.
Наверное, я люблю детей, но не когда они пытаются вырвать
мне пуговицы, волосы и глаз – по очереди.

Заботливая родительница сунула пакетик с лекарством
поближе к сердцу и ушла, не попрощавшись. Я фыркнула.
Синий пакетик содержал смесь из сахара, растертого в поро-
шок, молотого имбиря и сушеных листьев малины и черни-
ки. Тоже измельченных.

Ничего страшного с ребенком не будет, слопает в каше и
не поморщится. А монетка и сама выйдет через пару-тройку
дней. Тут главное – мамашу нейтрализовать, чтобы дел не
натворила.

Сиента вернулась, кивнула мне.

– Проводила.

Я посмотрела на серое от усталости лицо, на мешки под глазами женщины...

– Отлично. Вы одна сегодня дежурите?

– Нет. Еще Тамира.

– Где она? Пусть придет, подменит вас. А вы сходите, взвара попьете, передохнете.

– Ее нет.

– То есть?

– Ее пригласили.

Слово за слово я вытянула из Сиенты всю историю.

Тамира действительно была шлюхой. Из тех, кто вроде бы как по любви, но обязательно за деньги. Сегодня один из вылечившихся больных пригласил ее посидеть в таверне. Она согласилась и помчалась, наплевав на работу.

Я скрипнула зубами. Ну погоди ж ты у меня... нахалка! Хм-м... А что я могу с ней сделать? Уволить? Вряд ли, у нее такая степень близости с руководством, что мне и не снилась. Да и слышит она эти угрозы по шесть раз на день, то-то испугалась?

Заставить что-то делать?

А вот это ближе. Но как и что? Если я сейчас прикажу хотя бы полы помыть, пошлет она меня далеко и витиевато. Я ведь ей не начальство, да вообще никто. Чем я могу угрожать? Поркой, как мать нерадивым слугам?

Смешно. Хотя...

Смешно?

А вот это идея. Что мне надо от Тамиры? Да чтобы она осталась в лечебнице. Ситуации разные бывают, иногда шлюха нужнее трех врачей. Но чтобы она меня боялась, со мной не связывалась и слушалась. И поможет мне в этом – смех.

Вы знаете, на какие ухищрения идут девушки, чтобы выставить соперницу в смешном виде? Вы этого не знаете. А вот мама у меня бывала при дворе, и рассказывала нам с сестрой... разное. И об этой проделке – тоже. Сейчас и пригодится. Я злобно усмехнулась. Ты у меня, шлюха дешевая, заречешься больных ради хахала бросать.

И взялась готовить снаряжение. Пришлось посетить кладовку и порыться в лекарствах, потом – комнату отдыха служительниц, и немного там покопаться. Но я же для дела!

* * *

За ночь у меня было еще восемь человек. Два перелома, три ножевых, одна избитая проститутка, одни срочные роды. Лечебница пополнилась на два человека. Одно ножевое в живот оказалось тяжелым, требовалось постоянное наблюдение, а проститутка решила отлежаться пару дней.

Роженицу забрали почти сразу, как только мы дали знать ее родным. Да и остальных тоже. У меня возникло впечатле-

ние, что сюда попадают только самые безнадежные. Кто или сопротивляться не может, или кому дома еще хуже.

Всякое бывает.

Тамира явилась под утро. Растрепанная, раздерганная, воняющая дешевым вином и мужчиной, в съехавшем платье и со здоровущим засосом на шее. В волосах запуталась трава, а не слишком уверенная походка говорила о весело проведенной ночи.

– Шикарное зрелище, – резюмировала я. – Девушка, вы уверены, что не ошиблись работой?

Тамира смерила меня насмешливым взглядом.

– Завидуешь, козявка?

Действительно, по сравнению с ней я смотрелась мелко. И на голову ниже, и грудь в два раза меньше, кабы не в три.

– Помойся, шлюха. А то Растум решит, что я тебя в бордель на заработки сдавала.

Тамира ощерилась.

– Да пошла ты!

Развернулась и хлопнула дверью.

Я усмехнулась. Ничего, если я все правильно рассчитала, недолго тебе нос драть. А я еще Литу шлюхой считала? Наверное, есть какая-то градация. Кто по зову души, а кто по нужде...

Не знаю. Надо об этом подумать.

Тамира провела рукой по платью. А хорошо она поставила на место эту новенькую! Заречется на нее рот открывать! Ишь ты... Шлюха! Да сама ты... Небось, такую вошь никто и не хошь! Вот и бесится! Завидует.

Тамира невольно повела плечами, обозначая, чему завидовать. И верно, есть чему. Но... Тело было липким от вина и пота. Да и запах... Помыться, что ли? Если эта сопля на нее нажалуется, Харни обязательно вызовет для выговора. Ну... так у него это называется. Особенно на столе выговаривать любит. И лучше подмыться, чем слушать его визги о других мужиках. А что – только им ограничиваться, что ли? Тогда можно и сразу в монастырь! Там ведь и взглянуть не на что... А на заднем дворе стоит котел с горячей водой. На дровах. Всегда. Мало ли вода срочно понадобится, а греть некогда? Так он всегда там есть, в него просто ведра с водой подливают. И можно позаимствовать кипяточка, пока никто не пришел.

В комнате для служительниц было тихо. Посапывала на лежанке Сиента – небось всю ночь пахала, идиотка. Нет уж, она, Тами, не настолько глупа, чтобы угробить свою жизнь! Она, наоборот, получит от нее все возможное! Пока молодая, пока красивая... Пусть работают другие, она будет наслаждаться жизнью! Вот!

Тамира подхватила коробочку с мылом, которым пользовались все служительницы, полотенце и направилась на задний двор.

* * *

Вопль понесся по лечебнице. Да такой, что подскочили все. Что больные, что здоровые. Я и так не спала, ожидая результата, поэтому, когда ко мне влетела растрепанная Сиента, даже не дернулась.

– Госпожа Ветана!

– Можно Вета.

– Вета, там...

– Пойдем посмотрим. Кстати, Тамира пришла.

– Нашалавилась?

Сиента смотрела зло, Тамира явно не пользовалась популярностью.

– Видимо, да. Это не она, часом, орет?

– Кажется, она. На заднем дворе. Обварилась, что ли?

Тамира не обварилась. Хотя была близка к этому. Под навесом, на заднем дворе, рядом с котлом, бесновалось... нечто жуткое. В одной рубашке, сейчас насквозь мокрой, все в синих и зеленоватых пятнах. Я отметила, что краска легла неровно. Видимо, смешала плохо или соды добавила многовато. У меня опыта мало.

– Это... к-кто? – начала заикаться Сиента.

Я помотала головой.

– Наверное, Тамира. А что с ней?

– Н-не знаю...

Тамира заметила нас, и завизжала громче. Я осмотрелась.

Рядом с женщиной стояло ведро с водой.

– Отвлеки ее, – бросила я Сиенте.

Она замахала руками.

– Тамира?!

«Чудовище» прислушалось. Я шагнула вперед, подхватила ведро с водой и окатила беснующуюся девицу. Та икнула и замерла.

– Что с тобой?

Сиента была в шоке.

Тамира вытянула покрытые пятнами руки, собираясь завизжать, но я не дала.

– Молчать! Это не болячка, но вот что? Ты что делала?

Всхлипывая и трясясь – вода оказалась холодной, – Тамира рассказала, что она решила ополоснуться. Из первого ведра облилась, намылилась, а ополоснуться не успела. На коже... вот!

Еще бы не «вот». Я лично чернильный порошок подмешала к мыльному. Главное было, чтобы Сиента не попользовалась. Но та как легла, так и выключилась. Устала.

– Полотенцем не вытиралась?

– Н-нет.

Тамира уже забыла о неприязни ко мне. Вот что значит –

правильно подобрать лекарство!

– Чем мылась?

– Мыльным порошком...

– Дай сюда. Твой личный?

– Н-нет. Общий.

– Да тут ничего и нет, считай...

Конечно. Я лично его и высыпала из коробки. Чтобы осталось на один раз искупаться или на несколько раз вымыть руки. Тамира сделала так, как я и предполагала. Если в коробке мало порошка, вы его просто высыпаете на ладонь и принимаетесь мыться. И на мокрое тело, и по себе растереть. Вот и отпечаталось. На ладонях, лице, груди, животе... Спина не слишком много досталось.

Конечно, детская выходка, но сработало ведь! Другие-то служительницы придут часа через два! В крайнем случае, Тамира окрасила бы только руки, но я честно ее спровоцировала.

– Вроде нормально. Сейчас попробуем. Сиента, воды принеси.

Я зачерпнула коробкой воду, поболтала и вылила обратно в ведро. Если там что в синий и окрасилось, все равно никто не заметил. Концентрация уже не та.

– Вроде в синий ничего не красится.

Провела пальцем по стенке коробки. Палец тоже остался чистым.

Вот так при дворе с соперницами и расправлялись. Похо-

ди-ка в синем цвете несколько дней! Да потом еще пятна на лице будут от воспаления, это ж чернила! Едкие!

Тамире досталось совсем чуть-чуть, но дня три ей точно ходить синей. Сиента с трудом сдерживала истерический хохот.

Я вздохнула.

– Сиента, принеси пемзу. И побольше.

– А это... что?

– Не знаю. Где ты вообще валялась сегодня?

– На сеновале.

– А что из трав у нас дает такой окрас? Сеновал хоть был старый? Или сено свежее?

– Среднее...

– Не знаю. Мыло вроде чистое. Сама видишь, вода не посинела. Значит, где-то ты так удачно повалялась. Вспоминай, что и где... Или пролили, или лицом повозили. И не только лицом.

– Не знаю!

Сиента сунула мне в руки пемзу, я протянула ее Тамире.

– Оттирайся. Попробуй с мыльным порошком, вроде он нормальный. Ототрешь – налей воды в котел, не тебе ж одной надо. И дров подбросить не забудь.

С тем я и пошла обратно. Скоро Карнеш придет, обход начнется. Надо присутствовать.

И только оказавшись в лечебнице, там, где Тамира не могла нас ни слышать, ни видеть, я привалилась к стене и за-

хохотала. Рядом так же беспомощно сползла Сиента. Минут пять мы не могли остановиться, глядя друг на друга. Переглядывались, вспоминали синюю Тамиру – и заливались хохотом еще пуще. Наконец Сиента пришла в себя достаточно, чтобы вытереть слезы и передохнуть.

– Светлый! Это потрясающе! Вета, это – вы?

– Нет. Это ее Светлый наказал за распутство, – ухмыльнулась я.

– А как?

– Не знаю. Но мыльный порошок вы видели, он хороший, значит, где-то повалялась. Что из трав у нас красит в синий цвет? Шалфей?

– Это сколько ж его нужно?

– Есть еще калган, васильки, гречиха, гречавка...³

– Что ж ее там – мордой по ним возили, что ли?

Я развела руками.

– Сиента, надеюсь, что вы не станете распространяться об этом случае. Тамире еще работать здесь...

Сиента послушно закивала головой. Конечно, не будет! Ни слова! Ни полслова! Даже не подумает об этом лишний раз!

А я что? Я поверила...

---

³ Эти растения действительно дают синеватые тона, но надо соблюдать технологию и рецептуру (прим. авт.).

Карнеш меня на обход не взял, сказал, что после ночного дежурства надо идти домой отсыпаться. Пришлось уйти. А на следующий день...

– Вета? Отоспалась?

– Да.

– Ты многое пропустила.

– Что именно?

– Харни рвал и метал. Тут кто-то выкрасил одну из наших служительниц в синий цвет.

– Тамиру. Да, я в курсе.

– И что там случилось?

Карнеш смотрел пристально, пытаясь поймать меня на нестыковках. А что мне? Я принялась рассказывать.

– У меня было ночное дежурство. А Тамира куда-то ушла. Вернулась под утро, в непотребном виде, словно ее по сеновалу валяли...

– Там и валяли.

– Я ей сказала помыться. И назвала шлюхой.

Судя по лицу Карнеша, об этом он тоже знал.

– А потом?

– А ничего. У меня свои дела, у нее свои. Потом я услышала вопли с заднего двора, мы с Сиентой туда побежали, а там Тамира в жутком виде.

– И?

– Я проверила полотенце, воду, мыло... Вроде все оказалось нормальным. Ничего не красило. Хотя полотенце все было в пятнах.

– Сиента тоже так говорит.

– Уже вся лечебница в курсе?

– И примерно половина Алетара.

– Я ж ее просила помолчать!

– Плохо просила.

– Мне не понравился поступок Тамиры. Мы с Сиентой с ног сбились, пока эта девка приятно проводила время.

– Вета, только честно. Ты ее?..

– Я не маг. Как бы я ее покрасила?

– Не знаю.

Конечно. Это чисто из бабского арсенала. Устранить соперницу, сделать подлость конкурентке... Детские, конечно, выходки, но ведь срабатывает! И достаточно часто! Наверное, потому, что ждут сложных ходов, пытаются что-то изобрести, а вот самого простого не видят у себя под носом.

– Вот и я тоже. И именно Тамиру? Не Сиенту, которая там работала со мной всю ночь?

Подозрительности в глазах Карна поубавилось.

– М-да... одним словом, теперь ей дней пять дома отсиживаться. Да еще она кожу пемзой разодрала.

– Пемзой – это я. Зря ей сказала, – «огорчилась» я.

Карнеш развел руками.

Тамира явилась спустя четыре дня. Притихшая, слегка отдающая в синеву, и с опаской поглядывающая вокруг. Было отчего. Служительницы и служители перешептывались, хихикали у нее за спиной, скалили зубы. На всю лечебницу нашлось только несколько сочувствующих – и все мужчины с личной заинтересованностью.

Ко мне Тамира даже не подходила. Я тоже не обращала на нее внимания. Я тут ни при чем. Вот.

Теперь оставалось только ждать. Лучше всего спесь сбивает именно смех. Если бы Тамиру обругали, выпороли, выгнали... О, ей могли бы начать сочувствовать. Но при взгляде на синие пятна всем становилось смешно. Какое уж тут уважение? Какие понимание и сострадание?

Только смех.

* * *

Дни летели друг за другом. Я уже отработала три ночных дежурства, это было четвертое. В этот раз мне опять выпали Тамира и уже другая служительница – Нитель. В этот раз Тамира в загул не ушла. Пользы от нее все равно было мало-вато, но хоть воды горячей принести, в кладовку сбегать...

Крики с улицы донеслись внезапно. Мы бросились наружу, а потом замерли у невысокой оградки.

– Помогите!

– Она бешеная!!!

– Беги!!!

На улице мужчина добивал доской собаку. За его спиной жались женщина и ребенок. Собака огрызалась и ползла. И не надо было видеть ее рядом. И так понятно, что собака – бешеная. Пена из пасти, затянутые белесой пленкой глаза, страшноватое молчание, с которым она кидалась на человека.

Тамира схватила меня за руку. Сейчас ей не важно было, кто я, она просто искала поддержки. Страшно это. Бешенство смертельно в любом случае.

Мужчина отбивался что есть сил – и побеждал. Вот свистнула доска, на землю брызнуло кровью... Я расцепила пальцы Тамиры и вышла из-за ограды. Мужчина повернулся к нам. Увидел мой балахон – и словно что-то переключилось у него в глазах.

– Лекарка?

– Да.

– Помогите!!! Прошу вас, помогите!!!

Я кивнула Тамире.

– Готовь горячую воду. Вас укусили?

– Не меня. Сына...

– Так что же вы стоите! Несите его скорее!

Мужчина подхватил мальчика на руки и метнулся в лечебницу, словно от его скорости что-то зависело. Женщина помчалась за ним, на ходу рассказывая, как что случилось.

Они в Алетаре приезжие, муж – кузнец не из худших, да

вот пришлось из дома убираться. Бывает. На корабле приплыли, комнату в таверне сняли, работу искать принялись, нашли, решили вот прогуляться вечером, сын просил на пристань сходить.

Откуда взялась эта собака – никто так и не понял, но первый укус достался ребенку. Мужчина отшвырнул ее, понял, что бешеная, и защищался первым, что подвернется. Оторвал доску от забора. Жена схватила сына, но мальчик бежать не мог, рана на ноге оказалась очень глубокой, спасибо, кость не перекусила. Жена пробовала его утешить, только одна справиться не могла, мальчик крупный. А улица как вымерла.

Кровь текла из раны на ноге ребенка, пятная мостовую.

Я скрипнула зубами.

– Возьмите жену – и за дверь, мешать будете. Тамира, где маковое молочко?

Женщина метнулась за лекарством. А я осталась один на один с мальчиком. Лет десять. Этакий крепыш. Светловолосый, сероглазый, по щечкам катятся слезы... Я погладила его по волосам.

– Сейчас принесут капли, и больно не будет. Обещаю.

– Я умру, да? Она же бешеная.

– Глупости.

– А это больно – умирать?

– Я тебе говорила и еще раз повторю – выживешь, – огрызнулась я. – Спорим?

– На что?

– На щелбан, – припомнила я практику спора с Тимом. – Если выживешь, получишь. Если нет...

– Я маму попрошу, – отвлекся мальчишка от боли и плохих мыслей.

А мне того и надо было.

Тамира вернулась со склянкой. Я отмерила две капли макового молочка, развела водой.

– Пей. Это горькое, но надо.

Мальчишка послушно выпил воду. Вскоре глаза его остекленели, и он провалился в забытие. Тамира посмотрела на меня.

– Что вы будете делать?

– Промою рану, зашью, и пусть полежит у нас.

– Я посмотрела. Собака бешеная. Он обречен.

– Зараза могла не попасть в рану, – упрямо возразила я. – Ты же видишь – из него кровь аж хлещет. Могло просто вымыть.

– Я о таком не слышала.

– Ты мне помогать будешь? – разозлилась я. – Или поди вон, а сюда Нитель позови!

– Буду, – отозвалась Тамира.

– Тогда давай сюда воронку. Надо промыть рану как следует.

Вдвоем мы справились достаточно быстро. Надо отдать Тамуре должное, при всей шлюховатости руки у нее были

ловкие, крови она не боялась и просимое подавала вовремя. Я завязала последний узел на повязке и кивнула.

– Палату подготовишь?

– Да. Какую?

– Давай в конец коридора. Помнишь, вторая дверь от окна? Там есть свободное место и народ приличный, проживет он там несколько дней.

Тамира кивнула и вышла. А я, не теряя времени, сосредоточилась на малыше.

Ну-ка...

Дар уверенно шевельнулся в кончиках пальцев. М-да...

Повезло мальчику. Собака действительно была бешеной, и зараза таки попала в рану. Но здесь и сейчас хватит короткого импульса, чтобы убить ее. Пока она еще не разнесена по всему телу. Пока не начала жрать мальчишку.

Всего один импульс.

Тепло разливалось из-под пальцев, я стояла спиной к двери, загораживая ребенка, но отлично слышала шаги в коридоре. Еще чуть-чуть... все!

Руку я отняла буквально за секунду до возвращения Тамиры.

– Все готово.

– Вот и отлично. Где его родители?

– Мать на улице ревет, отец ее утешает.

– Позовешь? Пусть сына перетащит. Не нам же его тягать? Мальчишка был увесистый. Крупный, плотный, по-мое-

му, я не намного больше вешу. Может, и не надорвемся мы с Тамирой, но зачем мучиться, если есть кому его поднимать?

Тамира думала точно так же, потому что через пару минут в дверях появились кузнец с женой.

– Помогите перенести ребенка в палату, – попросила я. – Дня три он у нас побудет, потом заберете.

Мужчина подхватил мальчика на руки и послушно понес вслед за Тамирой. Мать вцепилась мне в руку.

– Скажите, Сай умирает? Да?

Я резко выдернула руку.

– Никто. Не. Умирает. Глупости!

– Я видела, собака была бешеная. И она укусила моего мальчика... Он умре-е-е-ет...

Тьфу.

Сыном я занималась меньше, чем его матерью. Мальчик уже спал, а мать мы успокаивали втроем, с отцом и Тамирой. Потом накапали и ей макового молочка, уложили на кровать рядом с сыном и наконец-то смогли перевести дух.

В комнате для врачей Тамира оказалась вслед за мной. И тут же вцепилась.

– Госпожа Ветана, зря вы это.

– Что именно?

– Надежду им дали. Ведь не выживет же.

Я скрипнула зубами.

Светлый, насколько ж легче работать одной! И глупых вопросов никто не задавал.

- Считаешь, лучше им было бы сразу похоронить сына? Тамира замаялась. Потом тряхнула головой.
- Они бы хоть смириться успели. Попрощаться...
- Лет через сорок. Будут умирать и прощаются. Тамира хлопнула дверью.

* * *

На следующий день меня вызвал господин Растум. Карн только плечами пожал – мало ли что?

- Вета? Заходи.
- Добрый день, господин Растум.
- Вета, день добрый. Что там за история с мальчиком?
- Какая история?
- Мне сказали, что у нас в лечебнице находится мальчик, больной бешенством.
- Нет у нас такого! – возмутилась я. – Ребенка действительно укусила собака, но рану я промыла, прижгла и уверена, что он выживет!
- А если нет?
- Обязательно выживет! – нажала я голосом.
- Учтите, если ребенок не выживет, я вас выставлю на улицу.
- За что?!
- Вы должны были сразу сказать родителям, что шанса нет, а не подавать им необоснованную надежду!

– Тамира нажаловалась?

– То есть вы не отрицаете...

– Я не собираюсь оправдываться. За три дня станет ясно, что с ребенком все в порядке, и мы отпустим их из лечебницы. Я уверена, что мальчик выживет.

– У вас такой богатый опыт?

– Намного меньше, чем у вашей наушницы. Зато он весь лежит в сфере лечения людей! – выпалила я.

И хлопнула дверью.

* * *

Карн посоветовал не обращать внимания.

– Харни неплохой человек, но шума боится. Что жалобу на него градоправителю накатают, что скандалить начнут...

– Все там будет в порядке!

– Собака была здоровая?

– Нет.

– Тогда ребенок действительно может умереть.

– Карн! Проверь сам! Все с ним в порядке! Рана не тянет, жара нет. Сто лет проживет, еще и своих наплодит!

– Ты так уверена?

– Просто вся зараза с кровью вытекла. Из него хлестало, как из поросенка. Я рану проглядывала, она чистая.

– Не знаю, что тебе сказать. Давай подождем эти три дня.

– Давай. Карн, а почему здесь так грязно?

– Потому что на всю лечебницу четыре уборщицы. Сама понимаешь, им медяшки платят. Тут не до тщательности.

– И белье ужасное...

– А прачек вообще две.

– Но мы же...

– Мы отдаем стирать свою одежду. И сами за это платим. А город не слишком охотно выделяет деньги. Сама понимаешь, тут приличные люди не лечатся.

Я понимала. Но...

– Тут как ни лечи, все равно людям плохо!

– Вета, это проза жизни. Можешь что-то изменить – сделай. Нет? Не стоит и ворчать по этому поводу.

– Несправедливо.

– А тебе никто и не обещал справедливости в жизни.

* * *

Этот вопрос я обсудила с маркизом Терреном при первой же встрече. Но мужчина только покачал головой.

– Вета, милая, вы же понимаете, что сколько на лечебницу ни выдели, грязно там все равно будет.

– Почему?

– Потому что наверняка – уверен! Что ваш... Састум...

– Растум.

– Не важно. Что он ворует.

– Но...

– И воровать продолжит любой, кого туда ни поставь. И градоправитель будет смотреть на это сквозь пальцы, потому что попадают к вам туда те, без кого Алетар чище станет.

– Не всегда же!

– Но там есть палаты получше и палаты похуже, верно?

– Да.

– Вот и ответ. Кого получше – в чистую палату, кого похуже – туда, где погрязнее. И продолжать воровать. Я просто уверен, что... сколько у вас там уборщиц?

– Четыре.

– А по штату наверняка штук восемь. Просто четыре на месте, а еще четыре – или родственницы, или любовницы вашего Растума. Поймать его на этом не удастся, но и работать они не станут. И в остальном та же ситуация.

Я надулась.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Хотите, я вас переведу в лечебницу в Белом городе?

Я помотала головой.

– Бежать от первых же трудностей? Ну уж нет!

– Ладно. Подождем. Но когда вам там надоест – скажите.

– Да, ваша светлость.

* * *

Грязь меня бесила. Раздражала. Доводила до невроза и психоза. И я отлично понимала, что если начну отмывать все

сама, на больных времени не останется. А ругаться постоянно тоже не выход. Да и не поможет. Вот Бертен каждый третий день ругается, и что? Полы чище стали? Да ни капельки! Но выход таки нашелся.

И подсказала мне его мать покусанного мальчика. Они пробыли в лечебнице три дня, симптомов бешенства не обнаружилось, но Карн предложил оставить мальчика на десять дней. И женщина устроила скандал, требуя оставить ее с сыном. Господин Растум облегченно выдохнул, узнав, что симптомов бешенства у ребенка не наблюдается, и дал разрешение. Карн тоже не противился. Ему было интересно понаблюдать за мальчиком, а мать шла бесполезным приложением.

Против была я. И так мест нет, а тут еще...

Но кузнечиха приятно меня удивила. Когда я зашла в палату, она поднялась мне навстречу.

– Госпожа Ветана, спасибо вам.

– Пожалуйста, – буркнула я, склоняясь к ребенку. – Как мы себя чувствуем? Рана болит?

– Нет. А долго мне тут еще валяться?

– До десяти дней. На всякий случай.

– Понятно.

– Госпожа Ветана... простите, что я вам не поверила сразу.

– Светлый простит.

– Может... может, я могу чем-то отплатить за вашу доб-

роту?

Я прищурилась.

Кажется, мне предлагают взятку? Ну уж нет! Но...

– Можете.

– А...

– Помойте эту палату и две соседние – и будем в расчете.

За эти три палаты как раз я и отвечала.

– Да я вам все палаты отмою!

– Не будем замахиваться на невозможное. Вы здесь про-
будете еще семь дней. Если раз в два дня вы станете убирать
палаты – меня это вполне устроит. Уборщиц у нас мало, а
ведь ваш сын тоже лежит в этой грязи. И вы в ней ночуете.

– Где взять ведро и тряпку?

– Ведро и тряпка в кладовке, горячая вода на заднем дво-
ре. Пойдемте, покажу.

К концу дня палаты сияли чистотой. Отмыто было все.

Двери, окна, стены, полы... кажется, даже до потолков до-
брались. Во всяком случае, паутина на них больше не болта-
лась. И это радовало.

Попробовать повторить?

Глава 3

– Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!!

Голову от подушки я оторвала с превеликим трудом. И выглянула в окно. За окном маячила бледная как смерть мордаха парнишки... как же его?..

Лерт.

– Что случилось? Сейчас дверь открою.

– Отец Мелли убил. А я – его...

Сон слетел с меня, как и не бывало. Я кинулась к двери, на ходу запрыгивая в юбку и затягивая завязки. Щеколда словно по волшебству отлетела в сторону, и мальчишка почти упал на коврик перед дверью. Вид у него был жуткий. Лерта всего трясло, колотило, зуб на зуб не попадал, глаза бешеные, на руках... кровь?

Да, кровь.

Я схватила из шкафа пузырек с успокоительным и сунула ему в руки.

– Залпом.

Корень валерианы, пустырник, горицвет, полынь, мята плюс ядренные винные выморозки, вкус ужасный, но помогает. Лерт залпом осушил пузырек, задохнулся, икнул – и заговорил.

– Отец пришел пьяный. Свалился, уснул, я побежал рыбы купить с вечернего улова, мне подешевле отдают. Возвраща-

юсь, а он Мелли держит, кричит что-то и колотит ее головой об стену. А она неживая... Вся белая, в крови... Я на него, он меня отшвырнул, а там топор... И я его топором по голове.

– Что с Мелли?

Я уже оделась и теперь надевала сапожки.

– Не знаю! – И вдруг извернулся, схватил меня за юбку. – Госпожа Ветана, помогите!!! Вдруг она еще живая?! Я Даринку в комнате запер – и к вам сразу!!!

Я подхватила сумку. Дарина? Младшая сестра? Да, наверное.

– Пошли.

Почему мальчишка понесся ко мне? Почему не в стражу? Ну, это понятно. Видимо, у него еще есть надежда, что сестра жива. Да и вряд ли с ним кто за последнее время по-человечески говорил, кроме меня. Вот и всплыло.

По темным улицам мы почти бежали. Пару раз из подворотен выглядывали какие-то люди, но быстро отступали и сливались с темнотой. Желтый город – место опасное, да. Но лекарей стараются не трогать и здесь, особенно если лекари хорошие. Ты его сегодня ограбишь, а завтра к нему в руки и попадешь. Или твои близкие. Все болеют.

Дом Лерта встретил нас распахнутой настежь дверью и окровавленным трупом на полу. Я склонилась над пьяницей, профилактически коснулась шеи, нащупывая пульс. Но дар молчал. Здесь все кончено.

А где девчонка?

Мелли лежала рядом с очагом, на полу. Действительно вся белая, в крови, но... Я почувствовала, как шевельнулся, запел, пробуждаясь, мой дар. Коснулась шеи.

– Живая.

– Живая!!! Госпожа Ветана!!!

– Цыц! – рывкнула я на Лерта. – Рысью за водой! И чтоб колодезная, ледяная, чистая. Понял?

Мальчишка подхватился, словно я его ударила, схватил ведро, споткнулся о труп отца, но даже не заметил этого, чем-то загремел и вылетел за дверь. К колодцу. И я даже знала, о чем он думает. Пока он что-то делает, его сестра не умрет. А значит, пусть лучше сам Лерт сдохнет. Но – не остановится.

Я коснулась головы девушки, груди, позволила дару раскрыться... Темного крабом! Девчонка доживала последние часы. Это точно. Когда ублюдок бил ее головой об стену... не знаю, что там было и как, но... Пальцы нащупали громадную шишку на затылке. Или стукнул о какой-то выступ, или... С-сука. И что делать? Смогу ли я помочь?

Я прислушалась к себе.

Раньше не смогла бы. Не потянула. И знаний не было, и умений, и дар не так чтобы силен был. А сейчас вот все одно к одному. В ноги надо поклониться Карнешу. Благодаря ему я знаю, что делать в таких случаях. Даже присутствовала при операции. Правда, спасти человека мы тогда не смогли, но там слишком серьезными оказались повреждения. Мой дар

– и то не справился бы. А вот на Мелли, может, моих умений и хватит. Но выложусь по полной, меня саму впору будет лечить. Лерт... Справится ли он?

Я подумала еще пару минут.

Выбор стоит так. Моя слабость и беспомощность – или человеческая жизнь. Неплохой, в общем-то, девчонки, которая только жить начинает. И мальчишка без нее пропадет. Должна справиться.

Я вздохнула и принялась доставать инструменты, банки с лекарствами, расстилать на кровати чистую простыню. За этим занятием меня и застал Лерт.

– Мелли жива, – сухо сказала я. – И шансы у нее есть. Сейчас попробую ей помочь, а ты будь любезен, вытащи труп из дома и сходи за стражей. Ни к чему тебе на такое любоваться, да и под руками мешаться будешь. Понял?

Лерт истово закивал.

– Да. Госпожа Ветана, спасите ее, пожалуйста. Что хотите сделаю, в рабы вам запродамся, до конца дней собакой служить буду...

– Обойдусь без собак. Младшая сестра где?

– Наверху. Запер, чтобы не смотрела.

– Вот теперь отопри и отведи к соседям. Понял? Пусть хоть кто за ней приглядит. Мне не до того будет, да и тебе тоже.

– Да, госпожа Ветана. Сразу же...

Я вздохнула, подошла к мальчишке, пригляделась. Понят-

но. Пошел откат от настойки. От крепкой пощечины голова Лерта мотнулась, словно одуванчик под ветром.

– Возьми себя в руки. Труп сам вытащишь или помочь?

– Сам.

– И рысью за стражей. Пока не позову – в дом не заходить. Дело сложное, вякнете под руку – и, считай, погибла девчонка. Лучше сначала все стражникам там расскажи, а потом сюда. Придете – постучитесь. Понял?

Лерт закивал.

Он все-все понял, правда! И, ухватив труп за щиколотки, без особого почтения потащил прочь из дома. Голова покойника стукалась о ступени, пачкая доски красным. Впрочем, меня это не сильно волновало. Гораздо важнее спасти девчонку, которую убила (да, убила, потому что обычный лекарь тут ничего не сделает!) пьяная скотина.

Лерт вернулся еще раз. Зашел в дальнюю комнату и вытащил оттуда завернутую в плащ девочку лет восьми. Держал на руках и уговаривал не смотреть по сторонам. Ни к чему.

Дверь за ними закрылась. Я перетащила Мелли на кровать, присела рядом, еще раз пробежалась пальцами по голове – и принялась сбривать волосы девушки на пострадавшем месте.

Вот здесь...

Трещина в черепе, внутричерепное кровоизлияние, которое очень скоро станет критическим, сотрясение мозга и даже его повреждение. При прочих равных условиях девчонка

бы скоро впала в забытие и умерла. Я же...

Я достала маленькое сверло.

Никогда еще не применяла, никогда. Только видела, как Карн это делал в клинике. Но надо сделать. Высверлить маленький кусочек кости, чтобы дать выход жидкости, потом вылечить мозг. У Карна больной умер прямо на столе. Справлюсь ли я?

Обязана.

Волосы легко поддавались острой бритве. Окончив процедуру, я облила голову девушки выморозками и невольно сотворила знак Светлого.

— Если ты есть — помоги!

* * *

Мне пришлось привязать Мелли к кровати, и слава Светлому, она была без сознания. Иначе не перенесла бы боли. И так пыталась метаться в забытии, но веревки выдержали.

Я прошлась пальцами по черепу. Да, именно здесь надо сделать надрез, чтобы обнажить кость. Чувствую это, словно пальцы покалывает. И скальпель в руках шел уверенно и твердо.

Мелли стонала в бесспамятстве, пока я обнажала кость черепа. Потом высверлила кусочек, и из-под него потекла кровь. Тяжелая, темная, со сгустками. Все. Что можно сделать руками, я сделала. Теперь дело за моим даром.

Я еще раз оглянулась, задернуты ли занавески, заперта ли дверь – и положила руки девушке на голову.

Почувствуй себя. Ощути свою силу. Ты – часть мира, и мир с радостью поможет своему ребенку. Он отдаст тебе все, просто протяни руку и зачерпни его силы. Он любит вас, и, даря себя людям, становится сильнее. Почувствуй свое единение с миром...

Мои пальцы медленно засветились теплым золотистым сиянием. Сейчас я видела мозг Мелли так отчетливо, словно он лежал у меня на ладони. Вот здесь повреждены сосуды, вот здесь – разорвана тонкая оболочка вокруг мозга, а вот этот удар мог бы оставить девчонку калекой на всю жизнь.

Этого не будет.

Под моими руками плоть срасталась в том же порядке, что и до удара. Сила лилась легко и свободно. Девушка глухо застонала, но главное – не вырывалась.

Нервы.

Сосуды.

Мышцы.

Трещина в кости...

Вот на последнем этапе сила меня и оставила окончательно. Я распласталась на полу, чтобы не тронуть девушку на кровати. Еще не хватало свалиться на нее.

Силы... как же их мало! Но здесь и сейчас иначе я поступить не могла. Я вычерпала себя до доньшка, исправляя то, что искалечил жестокий кретин, и чувствовала себя ужасно.

И все же Мелли пока не вылечена полностью. Еще оставалось сотрясение мозга, еще немного не срослась трещина, а та рана, которую я нанесла, открыта, и ее надо зашивать. Сейчас пару минут полежу – и попробую встать.

Где же оно?

Я протянула руку и взяла флакон с укрепляющим. Делала его сама, и получившаяся смесь была омерзительной на вкус, но отлично восстанавливала силы. Я перемалывала в маленькой мельнице орехи, сушеные абрикосы, чернослив, добавляла мед и лимон прямо с кожурой, выдерживала положенное время и ела при упадке сил. Хотя от жуткой приторной сладости подташнивать начинало. Во флаконе была эта же смесь, разведенная лимонным соком, чтобы выпить одним глотком.

Что я и сделала, передернувшись от отвращения.

Полежала еще пару минут. Дар молчал наглухо, но чтобы зашить рану и наложить повязку, никакой особенной силы не надо. Хватит и умения.

Я уже заканчивала, когда в дверь робко постучали.

– Сейчас открою! Пять минут! – рывкнула я, не отрываясь от своего дела. Не затем столько сил вложила, чтобы угробить девчонку грязью, попавшей в рану!

Завязала узел, встала...

М-да, переоценила я себя, серьезно переоценила. Ноги подкашивались, голова кружилась, так что до двери я добиралась по стеночке, цепляясь за все подвернувшееся. Отки-

нула засов – и почти без сил рухнула на руки знакомому стражнику.

– Господин Самир...

Мужчина подхватил меня, правда, охнул.

– Опять поясница? Почему вы мазью не пользуетесь?

– Закончилась, госпожа Ветана.

– А зайти?

– Да хотел, но забегался.

– Сегодня зайдете, – постановила я. – Уж извините, кому-то меня проводить придется, одна я до дома не дойду. Вымоталась.

– Что с девушкой?

Самир не тратил зря времени.

– Не приведи меня Лерт так быстро, умерла бы. Через пару часов.

Мальчишка выдохнул так, словно из глубины вынырнул. Или и правда – из глубины отчаяния?

– А сейчас?

– Выживет. Плохо будет, голова поболит, лежать надо дней десять, а то и побольше... Но если послушается – выживет. И даже последствий не останется.

– Я прослежу, – пообещал Лерт.

– А?..

Спросить не успела. Самир махнул рукой, едва не уронив меня. Хорошо хоть, сама уцепилась.

– Ничего мальчишке не будет. Отработает на благо горо-

да с годик, да и свободен. Заодно и семью поддержит, какие-то копейки ему заплатят, чтобы с голоду не помер. Он ведь сестру защищал. И себя тоже.

– Я не раскаиваюсь! – Лерт сверкнул глазами. – Это Мелли все повторяла, что папа один, папа хороший, просто жизнь у него неладно сложилась, вот он горе и запивает. Что он маму любил...

– Любил, убил, – мрачно проворчал Самир. – Сколько ж раз дуракам говорят – пьяный человек опасен! Это не ваш близкий, это животное, которое укусит любую руку! И все одно, никто не верит. А мы... Думаешь, первая твоя сестра такая? Спасибо скажи госпоже Ветане, что спасла дуреху! А мы таких трупов навидались. Потом такие папаши пьяными слезами рыдают, в голос орут, что не хотели, что темный под руку толкнул... Тем, кого эти скоты угробили, думаешь, легче?

Я только вздохнула.

– Вы меня посадите где-нибудь, у меня пока просто сил нет. Знаете, кость сверлить тяжело, да когда еще не знаешь, выживет человек или нет... Мне бы передохнуть часок, да и домой.

Лерт прикусил губу.

– Госпожа Ветана, а вы не могли бы... Пожалуйста, побудьте у нас, а? Пока Мелли в себя не придет! Ну хоть до утра! Я вам в своей комнате постелю, обещаю.

Я вздохнула еще раз. Посмотрела на стражников.

Самир развел руками.

– Госпожа Ветана, дело ваше. Но если что – я вас до дома провожу. А ты, малой, не бойся. Один до утра точно не останешься. Пока труп заберем, пока суд да дело, полдень настанет. Тоже обещаю.

Уйти хотелось до ужаса. Но...

– Стели. Останусь до утра, а утром – на работу.

– Спасибо.

Лерт на несколько секунд замер, а потом подошел ко мне и опустился на колени. Никто и вздохнуть не успел.

– Госпожа Ветана, вы мне сестру спасли. Если что... Я для вас все сделаю.

– Вот и сделай, – сбила я пафос момента. – Белье на кровати поменяй, и до утра меня не трогать, если Мелли хуже не станет. Начнет стонать, метаться – буди немедленно. Начнет просить пить – пои. Понял?

– Д-да...

Я перевела взгляд на Самира.

– Господин Самир, если в ближайшие три дня вы ко мне за мазью не зайдете, я вам ее сама принесу. В казармы.

– Зайду-зайду!

– Взрослый же человек, а того не понимаете, что здоровье важнее всего, – продолжала ворчать я.

Обрадованный Лерт метнулся стелить постель. Его комната оказалась достаточно чистой, так что я стянула юбку с рубашкой и рухнула поверх одеяла.

Спать...

* * *

Проснулась перед самым рассветом, и первым делом прислушалась к себе. Дар почти полностью восстановился. Вспомнить только, как я госпожу Лиот лечила! Потом пару дней в себя приходила, а тут что? Несколько часов сна – и уже готова на подвиги?

Значит ли это, что моя сила растет?

Да, именно так. И неудивительно. Мы не могли достать книги по магии, сведения собирали по крупицам, обрывочные, но кое-что сложить удалось. Бабушка говорила, что дар – это как вода, которая пробила себе тропинку в земле. Чем чаще пользуешься, тем глубже русло. Чем глубже вычерпываешь, тем быстрее прибывает. И становится сильнее. Намного сильнее. А я-то постоянно... И что теперь? Не пользоваться своей силой? Не могу. Так что... Делай что должен, и будь что будет. Другого тут не дано.

Я быстро оделась и спустилась. Верно, дом кишмя кишел народом. Лерт сидел в углу, больше всего напоминая совенка своими хлопающими глазами. При виде меня он подскочил, расплылся в широкой улыбке и едва не сшиб стражника, стараясь поклониться малым не до земли.

– Утро доброе, госпожа Ветана.

– Доброе. Мелли в себя не пришла?

– Нет. А...

– Дышит ровно?

– Да.

Я коснулась пульса на шее девушки, силой на этот раз не пользовалась, да и не надо. И так все ясно.

– Вечером загляну. Лерт, у тебя деньги есть?

– Да.

– Купи курицу, свари ей бульончика. Сможешь?

– Соседку попрошу.

– Так тоже подойдет. Бульончик, сухарики в нем размочить, ничего тяжелого не давать. Завтра кашу можно. Ну, я еще вечером зайду, повязку поменяю и объясню, что и как.

– Да, госпожа Ветана.

Я попрощалась и отправилась на работу. Меня ждал очередной день в лечебнице.

* * *

Обход прошел обыкновенно. Сюрпризы начались потом. Когда я шла в комнату врачей, а меня тихо позвали из-под лестницы.

– Госпожа Ветана?

Я пригляделась.

Молодая, волосы крашены хной, вид потасканный... Девушка легкого поведения, какие они есть. А откуда меня знает?

– Да.

– Госпожа Ветана, вы меня не помните? Вы у нас заходили в «Дом Розы».

Я нахмурилась, вспоминая Денизу, гвардейца с раной на животе, Криталия с его дуэлью и герцога, крабом его вперехлест!

– Госпожа Риона в добром здравии?

– Более чем.

– А вы...

– Мое имя Алия.

– Госпожа Алия?..

– Просто Алия. Госпожа Ветана, я беременна.

Я не видела в этом ничего удивительного.

– У вас работа такая. Чреватая осложнениями.

Алия впиалась глазами в мое лицо, но я не издевалась, не ерничала, не ругалась, просто говорила как есть. И девушка расслабилась.

– Госпожа Ветана, вы не посмотрите, все ли в порядке с ребенком?

Я вскинула брови.

– Мы же приходили с осмотром, разве нет?

– Ну да. Но мужикам я в таком деле не слишком-то доверяю.

– Ладно, посмотрю. Но если бы что-то было не так, уже заметили бы. А сюда вы как попали?

Алия пожала плечами.

– Плохо на улице стало, вот и притащили доброхоты. Отлежусь пару дней – да и обратно к госпоже подамся.

– Рожать будешь?

– Буду. Кое-что у меня прикоплено, без монетки не останусь, а потом госпожа меня обратно возьмет. Есть любители.

Я кивнула.

– Пойдем, я тебя осмотрую. Не обижают в палате?

– Да нет. Я там не одна такая. Вот Риста...

Риста... Я припомнила беременную проститутку на последнем месяце.

– Ей уже рожать скоро.

– Больно, говорят.

Я вздохнула.

– Больно. А ты как хотела?

– А правду говорят, что это расплата за грехи наши? И у кого грехов больше, у тех и болит втрое?

Я со злости топнула ногой.

– Вот еще глупости! Больно, потому что запихивали предмет поменьше, а вылезает предмет побольше. Сама понимаешь, там не на пуговицах все, расстегнуть не получится.

Проститутка хихикнула.

– Да уж понимаю...

– А насчет грехов и боли – глупости. Знаешь, сколько я холопов и прочей... святости перевидала? И грешат так, что тебе не снилось, а ничего – не болит!

– Так они ж и не бабы.

– Потому им и говорить легко, – подделалась я под простонародный говор. – Пошли, осмотрю тебя. И не паникуй заранее. Будешь рожать – позовешь. Помогу, чем смогу. Поняла?

– Спасибо, госпожа Ветана.

– Да не за что пока.

И с Алией, и с ее ребенком все оказалось в порядке. На следующий день она ушла из лечебницы.

* * *

Вечером я заглянула к Мелли, как и обещала. Девушка уже пришла в себя, лежала и смотрела в стену. Лерт хлопотал по хозяйству и мне обрадовался, как родной.

– Госпожа Ветана! Проходите!

– Здравствуй. Как ты тут?

– Даринка у соседей, они согласились ее на пару дней взять. Я тут по хозяйству. Стражники сказали, чтобы я завтра к ним зашел, рассказал все, как было. И в суд сходить придется. Но мне скрывать нечего, я честно отвечаю.

– Мелли как?

– Пришла в себя. А есть отказывается.

– Это еще почему? – удивилась я.

Лерт зло сверкнул глазами в сторону кровати.

– Дура потому что.

Хм-м... Может быть, и так. Но это не лечится даже магией

жизни.

– Выйди погуляй, – попросила я мальчишку. – Сейчас осматривать твою сестру начну, ей будет неудобно.

– Чего я там не видел! – огрызнулся Лерт. – Посудину ей под зад не Светлый, чай, подкладывает.

Но вышел. И даже дверью специально хлопнул. Я присела на кровать рядом с Мелли. Та смотрела в стену тоскливыми глазами.

– Как самочувствие?

– Спасибо...

– Спасибо, хорошо? Или плохо? – дотошно выясняла я, разглядывая зрачки. Определенно, сотрясение еще осталось. На него и моих сил не хватило. Я просто тащила девчонку с того света, а это всегда тяжело. С маркизом не легче было, но там-то хоть без внешних повреждений обошлось, большая часть силы ушла на устранение последствий. А тут...

– Зачем вы меня спасли?

– Работа у меня такая. Ты недовольна?

Интересные разговорчики. Кажется, я ухватила проблему, но дай мне Светлый терпения. Потому что, если я правильно понимаю суть бреда... Лекарю нельзя бить пациента по свежееотремонтированной голове. Даже чтобы ума добавить.

А жаль.

– Это я во всем виновата.

– В чем?

– Что папа умер, что Лерт с грехом на душе жить будет.

Ну... Папу я не знала, но видела, что он с дочкой сотворил. И сама бы прибила скотину. Лерт тоже угрызениями совести мучиться не будет, ему сестра всяко дороже. Это я девушке и высказала бы, прямо в лицо. Только вот нельзя. Настроение пациента – одно из условий успешной работы лекаря. Сколько раз видела: кому и срок уже отмерен, а он стиснет зубы и через силу малым не на коленях ползет. Что-то делает, борется – и мир подхватывает своего птенца. И дарит годы жизни, признавая его право жить.

А бывает и так, что человеку жить бы и жить, и болячка-то не страшнее прыща, а он ноет, и ноет, и сопли разводит на кисель... И мир отторгает подобную братию! Просто вышвыривая человека из числа живых. Вот у Мелли явно наклеывалось второе.

Если я сейчас вычешу ее поперек шерсти, она расклеится окончательно, и все мои труды пропадут впустую. Это плохо. Значит, надо придумать нечто другое.

Разум работал быстро и четко.

– Виновата. Только не в этом. В другом.

Мелли распахнула глаза, глядя на меня. Отлично, внимание поймано.

– В чем?

– А ты не догадываешься? Это вина мнимая. Не ты заставляла отца пьяной скотиной становиться, не ты ему в руки бутылку вкладывала. И что кинулся он на тебя, тоже понятно. Бешеная собака всех кусает, кто рядом. Это не твоя вина.

На Лерте тоже вины нет. Он не отца убил, а пьяную тварь. Не грех совершил, а тебя спасал, кстати. А не сбегал бы за мной, так ты бы сейчас и жива не была. Хочешь – в храме в том поклянусь? Чтоб детей у меня не было, коли вру.

– Не надо.

Верит. И правильно.

– Выздоровеешь – все равно в храм ходим. В любую минуту. А вина твоя в неуместной жалости.

– К-как?

– А так! Тебе ведь не раз, не два говорили, что может случиться. А ты тянула и тянула. Давно бы от отца ушли, и прожили бы сами, и с голоду не померли. Или замуж бы вышла, да брата с сестрой к себе забрала. Могла ведь?

– Д-да...

– А не сделала. Отца жалела. Хотя и знала, что если человек желает себя в могилу загнать, то ты ему не помешаешь. Вот и ушел он. И тебя едва с собой не забрал, и брата твоего убийцей сделал. Хоть и нет на мальчишке вины, а все же ему долго будет эта боль вспоминаться. Вот за это тебе прощения и просить. И не в храме! А у тех, кому твоя глупость едва жизни не стоила. Думаешь, я бы смогла девочке помочь, если бы он до Дарины добрался? Ты-то здоровая, и то едва успели, а если бы двое вас было? Кого спасти первой?

– Он же...

– Ты тоже его дочь. Помогло?

Мелли молчала.

Я знала, что не убедила ее до конца, но сомнения посеяла, и это уже хорошо. Господин Самир еще добавит. Так, шаг за шагом, и человека сделаем из жертвенной овцы. И не таких в чувство жизнь приводила. Спасибо, сейчас еще не слишком большую цену взяла.

* * *

– Светлейший, маг определенно в Алетаре.

Молодой слугитель боялся приближенного, это было видно по дрожащим пальцам, по бегающим глазам, но... Что толку с того страха? Вычислить мага он не поможет. Шантр насколько был склочной тварью, а все же эти подобострастные болваны ему и в подметки не годились.

– И вы не можете даже локализовать район, в котором он работает?

– Светлейший, маг словно рассеян по всему городу. Вспышки то в Желтом городе, то в Белом, то в Зеленем, мы не можем ничего сказать определенно. Возможно, если бы мы попробовали поработать поближе к месту...

– Вы предлагаете возить приборы по городу и ждать, что и когда сработает?

Фолкс только головой покачал, удивляясь наивности юнца.

К его чести, мальчишка не дрогнул.

– Пресветлый, другого выхода нет. Просто нет. Невозмож-

но засечь мага, который работает от раза к разу и перемешается по городу, как ему захочется.

Как ему захочется? Фолкс поднял руку, и служитель послушно замолчал. Ему. Захочется. А ведь верно. Из чего исходил в своих размышлениях Фолкс? Из того, что маг жизни – обязательно чья-то собственность. А если нет? Если он работает сам на себя? Не лечит хозяина и тех, кого оный хозяин прикажет, а просто живет и работает с теми, кто под руку подвернется? И сможет оплатить его услуги?

Тогда все становится на свои места. И одновременно еще больше усложняется. Если маг жизни не попал никому в руки, он должен, во-первых, быть очень умен, а во-вторых, отлично маскироваться. Так, чтобы даже в Храме его не угадали.

А вот тут можно поработать...

– Приборы, которые распознают активную магию, сложны в изготовлении, я знаю. Возможно ли изготовить прибор, который будет распознавать неактивную магию?

– Нет.

– Почему?

– Потому что пока маг не применяет силу, она находится словно в спящем состоянии, – развел руками служитель. – Это как с грозой. Пока не грянет, не узнаешь.

– Но есть что-то, что предсказывает грозу. Возможно ли это в отношении мага?

– Надо подумать, пресветлый.

– Мы же распознаем таланты в детях.

– Когда они проявляются. И только в этот момент.

– Маг обязан отличаться от обычного человека. Плотность ауры, строение... Кому я это рассказываю! – вспыхнул приближенный. При продвижении по карьерной лестнице он отлично усвоил принцип: «Требуйте невозможного с подчиненных, тогда они сделают все возможное». – Придумайте что-нибудь компактное, чтобы это распознавать! Как маги видят друг друга? Как их распознают животные?

– Если что-то вроде стекла? – задумался служитель. – Не знаю, пресветлый. Надо поработать.

– Так идите и работайте!

Служитель удалился, а Фолкс задумался. Маг жизни был в Алетаре – хорошо. Его не удалось вычислить с налету – плохо. И удастся ли? Но сомнения – не повод отказываться от вкусной добычи. Нет, никак не повод. Если маг жизни работает в Алетаре, он обязан это делать в пользу и на благо Храма.

Или...

Не нам, так и никому.

* * *

Я как раз дежурила. Была глубокая ночь, когда в дверь постучались.

– Госпожа Ветана?

– Да, Силена?

С этой девушкой мы работали вместе уже несколько раз. Нельзя сказать, что она мне нравилась. Я предпочитала тех, кто работает без возвышенных чувств. Силена же готова была объяснять всем и каждому, что ей нравится лечить людей, и поэтому она пошла помогать в лечебницу, а потом пойдет в ученицы к лекарю, только вот выберет кого получше.

Не самое плохое побуждение, но руки у девчонки были деревянные. Просто дубовые. Перевязанная ею рана воспалялась, вдетая в иголку нитка рвалась, а состав лекарства надо было писать на бумажке. Иначе точно перепутает.

Лично я считала, что с такими антиталантами Силене прямая дорога куда-нибудь в плакальщицы. Там она точно никому не навредит, а рыдать у нее дар. Чуть что – и в сопли.

– Тут к вам...

Ко мне оказалась госпожа Риона. Содержательница борделя. По виду – вполне целая и здоровая. Я вежливо склонила голову.

– Добрый вечер, госпожа Риона.

– Госпожа Ветана, здравствуйте. – В голосе женщины прозвучало... облегчение? – Мне нужна ваша помощь.

– Вы?..

– Не я. Нам надо поговорить.

– Я вас слушаю.

Госпожа Риона вдруг сделала шаг к двери. Второй, тихий, словно кошачий, и...

– Ай!

На лбу Силены наливалась здоровущая шишка.

– Подслушиваем? – грозно поинтересовалась я. – А я вот господину Растуму скажу, кто недавно партию златоглавника загубил!

– Я случайно! Просто хотела спросить: воды вам не погреть для взвара?

Силена даже и не подумала смутиться.

– А ну брысь отсюда! – рыкнула я.

– А как же...

– Шишка? Сейчас еще добавлю по другому месту, для симметрии.

Силена вняла угрозе и рассосалась.

Госпожа Риона покачала головой.

– Давайте поговорим в моей карете? Знаю я таких, теперь под окном подслушивать будет, раз из-под двери прогнали.

– Давайте.

Выходя из комнаты, я оглянулась. Показалось – или за окном белело что-то, смутно похожее на человеческий силуэт? Ну погоди ж у меня, зараза любопытная.

* * *

В карете было уютно и удобно. И никакой дурной роскоши, свойственной той же маркизе Террен. Так я бы сказала, что это карета купчихи из зажиточных, но не слишком бога-

тых. Да и сама госпожа Риона сейчас выглядела иначе. Ни откровенного платья, ни побрякушек.

– Госпожа Ветана, у меня есть племянница.

Я вежливо и внимательно слушала.

– Она беременна, и я хотела бы, чтобы вы приглядели за ней.

– Хорошо. Как ее зовут?

– Лиана Торон.

– Красиво. Но почему?..

– Если она моя племянница, почему окажется у вас? Потому что дура! – вдруг зло бросила госпожа Риона. – И муж ее такой же! Идиоты! В дерьме живут, а морду дерут!

– Простите, не понимаю.

– Сейчас расскажу подробно, – вздохнула женщина.

История была не нова. Две сестрички, росшие в очень верующей, очень религиозной семье. Старшая, повзрослев, решила, что хватит с нее проповедей, хотелось бы и чего-то для тела. Не выходить замуж за достойного молодого человека, которого присмотрели родители, не рожать каждый год, не надрываться на тяжелой работе. Пожить хоть десять лет, но для себя! И сбежала из дома с первым попавшимся состоятельным мужчиной, благо внешность позволяла рассчитывать на многое. Многое потом и было. И смена покровителей, и работа на улице, и аборты.

Многое.

Наконец ей повезло попасть в бордель, и там она восполь-

зовалась шансом. Не тратила больше денег, а накопила, купила дело и заправляла им железной рукой. Но... Аборты сказались. Детей госпожа Риона иметь не могла, а вот сентиментальность, видимо, выиграла. И решила девочка поискать родных. Мало ли что мать с отцом от нее отреклись в ужасе, мало ли что сестра говорила – вдруг за двадцать-то лет передумали?

Нашла.

Мать давно умерла. Молитва, она не слишком от болезни помогает. Отец ушел в Храм, жив еще или нет... Да пес его знает. Госпожа Риона не рвалась его искать.

Братья, сестры...

– Мать ведь каждый год рожала, и считай, каждый год мы маленьких хоронили, – зло рассказывала она, блестя глазами в сумраке кареты. – Отец, тварь такая! Изменять жене нельзя, порывы свои сдерживать нельзя... Он бы работал, как трахался! А то нарожать несложно, а вот вырастить... Как еще мы с Тисой выжили! Повезло, не иначе! Мать, видать, от частых родов и померла. Я ее и не помню без живота-то...

Голод и болезни уносили детей, в итоге в живых осталась только младшая сестренка Тиса.

Младшая.

Отец выдал бедолагу замуж за мужика на двадцать лет ее старше, вдовца с детьми, зато очень верующего! Набожно-го такого. И тот пошел по проторенной дорожке, награждая

сестру ребенком каждый год. К моменту встречи Тиса выглядела вдвое старше своей сестры-проститутки. И – увы.

Умерла два года назад.

На детей вдовца госпоже Рионе было плевать. А вот на единственную выжившую племянку, Лиану, кстати, названную почти в честь тети, – нет. К сожалению, Лиана представляла собой третье поколение дурочек.

Тетю она встретила приветливо и тут же попыталась спасти ее душу. А то ж! Бордель надо продать, девок распустить, деньги отдать на Храм, а сама госпожа Риона... Да она тоже может уйти в монастырь. Грехи замаливать!

Достучаться до крохотного мозга сквозь толстую броню религиозных догматов и объяснить, что она вообще-то себя грешной не считает, уж точно не больше тех, кто ей платил за продажную любовь, Риона просто не смогла. Не получалось. Да и мужа там подобрали... под стать.

Деньги он не взял, от помощи отказался, Лиане с теткой видеться не запретил, но саму госпожу Риону строго-настроженного предупредил, что любое «не такое» слово – и они все отношения разорвут. Ему-де жена нужна, а не шлюха.

– Идиоты, – искренне согласилась я.

– Знаешь, – мы как-то незаметно перешли на «ты», – сколько к нам таких верующих приходит? И храмовники, и обычные мужики... Один так вообще удовольствие получает, когда молится, а голая девушка его плеткой охаживает! Ох. Извини.

– Ничего страшного. Выйду замуж – будет что с мужем обсудить.

Я улыбалась. В Желтом городе сложно оставаться трепетной лилией. Такого наслушаешься! Хотя сильно подозреваю, что это я просто ко двору не выезжала.

Госпожа Риона кивнула.

– Хорошая ты. Слушай, Лиана точно придет сюда. Я же и привезу. Мне нужно, чтобы у нее все возможное было. Палата хорошая, еда... и ты. Видела я, как ты работаешь, эту дуру Денизу мало кто вытащить смог бы. А ты...

– Я вытащила.

– Она уж и замуж вышла, кстати. За какого-то Дирена.

Я аж рот разинула. Вот так новости!

Значит, жениться лучше, чем за границу? Ну... каждый выбирает для себя.

– Руки у тебя хорошие. Вот. Примешь ребенка, и напугай ее как следует. Скажи, что укрепляющее нужно попить.

– Укрепляющее? – прищурилась я.

– Именно.

Мне на колени лег мешочек с травой. Я развязала, понюхала. Аромат был знакомый. Мне. Но хорошо замаскированный мятой и анисом.

– Противозачаточное?

– Именно. Тут на полгода хватит, а потом я еще принесу. И пусть год после родов пьет. А ты сталкивалась уже?

– Хороша б я была лекарка, таких вещей не зная...

Травница, у которой я училась, это практиковала. Нужная трава, подходящее время и доза. Нельзя сказать, что результат стопроцентный, но... помогало. И неплохо.

– Я к магу ходила. Так что год она точно отдохнет. Не хочу, чтобы девчонка умерла. Сама понимаешь.

Конечно. Молитва молитвой, а ежегодные роды, да с тяжелым трудом, никого до добра не доводили.

– Обещаю.

– Сколько?

Медленно покачала головой.

– Денег не возьму, сплетни у нас широко разносятся.

– Тогда, может, помочь чем?

– Чем тут поможешь? – вздохнула я. – Сами видите: здание старое, лекарей мало, служителей хоть и больше, да грязь везде. Мне вашу племянницу и положить-то некуда. А знаете, что самое худшее? Даже если вы денег уборщикам подкинете, чтобы они мыли тщательнее, все равно ведь схалтурят. И ругайся тут, не ругайся... Этих выгнать, так другие не лучше будут. Просто замкнутый круг какой-то.

Госпожа Риона вдруг усмехнулась. Весело и озорно.

– Не плачьте, госпожа Ветана. Есть у меня одна идея.

Как уж она договаривалась на следующий день с Харни Растумом, я не знаю. Но с результатами договора ознакомилась.

Госпожа Риона посчитала, что проще не искать лекаря, а договориться с лечебницей. Пусть им тут выделяют несколько

палат, ну и если с девочками что-то случится – они в любое время приходят сюда. Вне очереди.

Растум, не будь дурак, согласился – и отвел им четыре палаты в самом дальнем коридоре. Грязные донельзя. И едва не сорвал на следующий день всю работу в лечебнице.

Я первый раз видела такую картину.

Два десятка девушек легкого поведения, в ярких платьях, которые где подоткнули, где подвязали, где еще что, вычищали палаты. То наклоняясь в провокационной позе, то вытягиваясь так, что прохожие застывали, рты открыв. Двое мужчин и одна женщина так засмотрелись, что к нам и попали – с забором не разминулись. Пришлось им шишки и синяки смазывать.

И могу сказать точно: после этого дня у нас столько мужчин себя здоровее почувствовало! Никакой магии не понадобилось!

Глава 4

Ночь скользила мимо окон. Касалась занавесок легким ветерком, щедрой рукой рассыпала звезды, подправляла очертания предметов, задевала своим роскошным платьем море, и оно тихо вздыхало вдалеке. Оно тоже дремало под теплым прикосновением ночного ветра. Все было так хорошо и спокойно. В кои-то веки спокойно, что я даже придремала. И подскочила, словно ужаленная, когда с улицы донеслось...

Шум.

Треск.

Лязг.

Грохот.

И в завершение всего этого аккорда безумия – истошные крики боли. Так может кричать только человек, которому что-нибудь ломают или рвут.

Я подорвалась быстрее ветра. В дверях пришлось расталкивать людей, которые сбежались посмотреть на чужую трагедию, но я справилась. И что за мерзкие привычки – прибегать не чтобы помочь, а чтобы полюбоваться на чужое горе?

На улице царил хаос. Глаза просто не привыкли и выхватывали из общей картины какие-то детали. Колесо кареты, откатившееся к стене... Покалеченная лошадь, кричащая от боли... Какие-то красные брызги на стене...

Только через пару невероятно долгих секунд я понимаю,

что это – кровь.

– Помогите!!!

Чей-то истошный крик заставил меня встряхнуться, и я наконец увидела все целиком. Словно кто-то сдернул повязку с глаз.

Недавно среди аристократической молодежи появилось такое увлечение. Гонки на каретах.

Берется карета, укрепляется, облегчается, снимается передняя стенка, или делается так, чтобы сидящий в карете мог сам править лошадьми, запрягается четверней, в данном случае, парой, – и вперед, по улицам города. И плевать на всех, кто подвернулся под колеса.

В основном молодежь гоняет по Желтому городу, по улицам, ведущим к морю. Алетар Раденор строил свой город основательно: улицы широкие, вымощены добротным камнем даже здесь. И проходит все это по ночам. Потому что если его величество узнает – гонять без правил молодчики будут по тюремной камере. Будь там хоть герцоги.

Скоты малолетние!

Ну да ладно. Сначала надо оказать помощь, а убить можно и потом.

– Тамира, мужчин позови! Силена, немедленно ко мне!

Я сбежала с крыльца.

Первым делом – лошади.

Вы даже не представляете, сколько дел может натворить одна испуганная лошадь. Особенно если ей больно, если она

пытается сделать свечку, бьет копытами. Хорошо, что я маг жизни, а не смерти. Некромантов животные не слишком любят, а вот меня...

При моем приближении лошадь чуть успокоилась. Достаточно, чтобы я перехватила ее за узду.

– Ну-ка, тихо...

Пара движений – и кожаные ремни упряжи лопаются под моим ножом.

Одна, вторая, третья...

Освобожденные лошади понимают, что здесь их ничего хорошего не ждет, и пытаются ускакать. Я не обращаю внимания. Алетар – город большой, в нем что хочешь потерять можно, не только пару лошадей. Найдутся им хозяева поприличнее.

Теперь участники.

Осторожно открываю дверцу одной кареты, и на руки выпадает тяжелое тело, едва не сбивая с ног. Подхватываю его под мышки, кое-как тяну на себя и распластываю на мостовой. Быстро провожу руками.

Внешние повреждения?

Да, безусловно. Кровь на голове, кровь на губах – ребро пробило легкое или прикусил язык? – сломанная рука повернута не предусмотренным природой образом, видна белая кость. Это надо срочно вправлять, шить, перевязывать.

Рядом оказываются служители с носилками, на них осторожно перегружают мужчину. Тамира командует уверенно.

Я специально попросила именно ее позвать мужчин, ей в лечебнице никто отказать не может, да и не хочет.

Ладно, тут все будет в порядке.

– Силена, с ними. Срезать одежду, промыть раны. Справишься.

За спиной что-то мяукают, но я не слышу. Заглядываю в карету. Никого нет? Нет, больше никого.

Вторая карета лежит очень неудобно, на боку. Мне придется подоткнуть юбки и лезть на колесо, чтобы что-то увидеть. Распахиваю дверцу и вглядываюсь внутрь.

Темного крабом!

В этой карете двое.

Мужчина и женщина, тела переплелись так тесно, что непонятно, где кончается одно и начинается второе. И как же их вытащить?

Через дверь? А если перелом позвоночника? А если... Я навскидку назову больше десятка травм, при которых такие упражнения для них станут смертельно опасными. И я ничего не успею сделать даже с моим даром.

– Слазьте, госпожа Ветана! Я щас помогу!

Гулкий бас снизу приводит меня в чувство. Я прищуриваюсь.

– Имон?

– Ага, я. Щас мы его вытащим!

Я оперлась на протянутую руку, прыгнула на землю, блеснув голыми ногами, и только сейчас увидела топор, сто-

ящий рядом с каретой.

Имон поплевал на ладони, прикинул направление, размахнулся – и только щепки от кареты полетели. Они ж легонькие, дерево тоненькое...

Пары минут не прошло, а я уже оглядывала парочку. И понимала, что женщине уже ничем не помочь. Голова у нее была под таким углом вывернута, что живому не добиться. Перелом шейных позвонков. Она даже почувствовать не успела ничего. А вот мужчина еще дышал. Хотя досталось ему определенно больше, чем первому. Тут и как подступиться-то не знаешь, чтобы выжил.

А выживет – до конца дней своих лежать будет – подсказал мне дар целителя. И поделом бы, но я уже чувствовала, как пробуждается сила в моей крови. Она разворачивалась, пела, требовала выхода на волю. Что ж, этим кретинам сегодня повезло дважды. И живы остались, и мне в руки попались.

Я помогла переложить второго пострадавшего на носилки и направилась в лечебницу. Тамира с Силеной ждали в перевязочной. Горели лампы, заправленные вонючим земляным маслом, стояли два стола, накрытые белыми простынями, на одном уже лежал человек.

Я наклонилась над ним, прощупывая обнаженное тело, на этот раз беззастенчиво пользуясь и своим даром. Когда распознаешь болезнь, оно почти незаметно. Жив, и жить будет. Кроме руки ничего страшного, разве что язык прокусил.

Ребра, конечно, сломаны, так о карету грянуться, но легкие целы. Тугую повязку наложить, и пусть проваливает.

А, еще зрачки нехорошие. Были б мозги – было б сотрясение, а так...

Полежит, не помрет.

Вот со вторым все намного хуже. Не знаю, чем ему так досталось посреди спины, но позвоночник хрупнул, как та сухая веточка. Аккурат под ребрами. И ноги ему нехорошо зажало. Ой как нехорошо. Надо срочно чистить, складывать, шить, пока кровью не истек.

Силена накинула мне на платье зеленый балахон, и я принялась за работу.

* * *

Балахон пришлось менять два раза. Кровь брызгала так, что страшно становилось, я иногда не успевала пережать артерию, и все чаще понимала, что если бы не опыт...

Дар тут не поможет.

Он может удержать человека, не дать уйти за грань, стимулировать выработку крови, запустить остановившееся сердце, благо, когда возишься по уши в крови, даже как-то и не заметно ничего, но дар не сложит кости, не сошьет жилы. Он может заставить их срастись, только вот если оставить все как есть – человек калекой очнется.

Светлый, как же мне не хватает знаний! Обыкновенных

знаний.

Наконец мы закончили, и девчонки потащили из перевязочной груды грязных окровавленных тряпок и инструменты, а обратно – ведра с водой. Я посмотрела на усталых слушательниц, махнула рукой – и тоже взялась за тряпку, получив в награду удивленные взгляды.

А что ж теперь?

Они стараются, а я буду сидеть смотреть? Это аристократы... Хотя – нет! Бабушка себе такого никогда бы не позволила. И тоже взялась бы за тряпку. Благородство – оно ведь не в золотых кольцах, хоть ты ими себя с ног до головы унижи, и не в том, чтобы руки замарать бояться. Это нечто совсем иное.

В шесть рук мы комнату отскребли намного быстрее, и я махнула рукой.

– Девочки, тут до рассвета часа три осталось. Давайте так: рядом с этими посидеть бы надо, поделим на троих, кому какое время?

Тамира и Силена переглянулись и, конечно, согласились. И даже договорились, что мое дежурство – первое. Я-то сейчас все равно не усну, пальцы до сих пор трясутся, голова легкая и ясная, а хуже всего – дар.

Я ж его почти не выпускала наружу. Так, узнать, где что перехватить, где прижать, где сшить, и он сейчас ворочался во мне мощной приливной волной. Какое там ложиться? Не дай Светлый, вырвется! Наплачусь потом.

Договорились так: сначала дежурю я, потом Тамира, потом Силена. И служительницы ушли к себе, а я осталась. Сидела, смотрела в окно, пока не стало тихо-тихо. Только тогда заложила дверь на засов, проверила занавески на окнах и подошла к раненым. Оба были еще без сознания, и ничего удивительного. Выпили они перед своей эскападой столько, что уместнее говорить – нажрались. В дым и хлам.

Сначала я занялась тем, у которого повреждения были легче. И это понятно – расход сил меньше, его можно кое-как контролировать. Пробуем? Дар радостно рванулся на свободу, вокруг пальцев заплясали золотистые искорки. И как всегда, накатило невероятное чувство свободы и легкости. Ощущение тепла и доброты.словно ты еще маленькая и сидишь на руках у кого-то очень родного и близкого. И твердо знаешь: никто никогда тебя не обидит. Жизнь разуверяет нас в этом заблуждении, но когда я обращаюсь к своему дару, я ощущаю себя птенцом в теплой ладони мира.

Сначала вот этот, с рукой...

Руку я лечить не стала, только проверила, все ли в порядке. Но все было хорошо сложено, мышца к мышце, сухожилие к сухожилию. Вот их я заставила срастись. На всякий случай. А остальное пусть само заживает, как природой и положено.

Голова...

Сотрясение я тоже убрала. И даже сама себе удивилась. Как так? Раньше если я лечила, то целиком, а сейчас выби-

раю и что, и как.

А вот со вторым придется намного сложнее.

Я положила руки на грудь больного. Ох... Сложить мы его сложили, но здесь столько сил надо, что на ноги, что на спину... Начнем со спины. Пусть все же сам ходит. Хоть на костылях, но ходит.

И сила полилась из меня, медленно пропитывая ткани. Я видела человека словно в густом тумане разного цвета. Вот зеленоватое облако, которое окружает голову и плечи. Тут все в порядке. Так, небольшие вкрапления желтого – синяки будут, не страшно.

Вот спина.

Тут зелень почти повсеместно сменяется желтизной, и та переходит в оранжевый цвет – и в районе поясницы вспыхивает густо-багровым, с вкраплениями черного.

Под моими пальцами чернота пропадает окончательно, багровое светлеет – и я точно знаю, что происходит. Сейчас срастается перебитый спинной мозг. Уходит отек, расслабляются сдавленные нервы, а кровь... Ничего, походит с синяками. Постепенно рассосется.

Силы убывали, хотя и не так быстро. Уже на последних каплях я коснулась ног, правя то, что смогла. Сухожилия и нервы. А потом заметила. Глаза больного были открыты. И смотрел он прямо на меня. Темного крабом! Что делать?! Паниковать? Бежать? Это стало бы началом моего конца.

Я протянула руку, положила ее мужчине на лоб.

– Спите. Все будет хорошо.

Глаза медленно закрылись. Что бы он ни увидел, я оторвусь. Вино, шок, маковое молочко, которое я ему дала... На самом деле обошлись, но кто ж проверит?

Справлюсь. Обязана справиться.

Силы окончательно покинули меня, и я упала в кресло в углу. Вытянула гудящие ноги. Безумная каторга? Да! Кракеновски тяжелая работа, за которую платят копейки? Трижды да! Опыт, который нигде больше не приобретешь и который позволит мне спасти намного больше человеческих жизней.

Пусть это звучит пафосно, пусть даже чуточку смешно – смейтесь. А я... Бабушка говорила, что дворянин – это тот, кто первым встает на защиту родной страны. Кто по благородству души берет на себя больше и отдает намного больше. Кто в любой момент отдаст и жизнь, и душу, лишь бы его страна жила мирно. Вот эти избалованные щенки – они не дворяне, они просто никто. Титулованные ничтожества, которые по иронии судьбы родились не конюхами, а баронами и графами.

А я могу причислить себя к благородным? Не знаю. Я живу в трущобах, я работаю в лечебнице для бедных, я каждый день вижу столько крови и боли, сколько иной за год не увидит. Так что – вряд ли. Благородство – это нечто иное.

И показалось мне – или за окном мелькнула темная тень?

Смерть сегодня хотела забрать троих. Вместо этого она получила лишь одну, а эти двое... Словно высокая женщина

в черном с серебром одеянии скользнула мимо, коснулась полой платья моих ног.

Ты не победила. Меня невозможно победить. Но... Я подожду.

* * *

– Вета, ты...

Харни Растум слов не находил. Едва не обнимал меня, приплясывал на месте, улыбался так, словно ему к углам рта завязочки пришили и на затылке в узел стянули.

– Ты чудо! Ты сокровище! Я тебе премию выпишу! Золотой! Нет, два золотых! И отдохнуть можешь! Десять дней!

Я мило улыбалась и лепетала положенные слова благодарности.

Столь бурный прилив любви и щедрости был вызван отнюдь не моей скромной особой. Просто наездники оказались весьма высокородными тварями.

Один, со сломанной рукой, сын герцога Ришарда. Пусть младший, но их всего-то двое! Второй – любимое и единственное чадушко маркиза Леклера. Как – единственное... Дочки там есть, но что такое женщина? Всего лишь инструмент для скрепления сделки. Замуж выдал – и забыл.

Поспорили два высокородных болвана, слово за слово, бутылка за бутылкой, приятели подзуживали, девица еще та, погибшая, пообещала, что отдастся победителю...

Догонялись.

Если бы не я, кончилось бы весьма печально. А так...

На следующий же день нашу лечебницу атаковали аристократические семьи. Ришарда забрали сразу, а вот Леклера пока лучше было не трогать. Поэтому к нему нагнали магов, те пролечили, что смогли (повезло – у меня выходной как раз был, не столкнулась!), и сообщили маркизу, что если бы не лекари...

Маркиз подумал – и выразил благодарность Растуму лично. А тот сейчас благодарил меня. Было, было у меня искушение бросить ему под ноги эти два золотых, но... нельзя. Так может себя повести другая женщина, которой я уже не являюсь.

Я спрятала монеты в карман и мило улыбнулась.

– Да, Вета, милая, зайди, пожалуйста, к виконту Леклеру!

– Зачем? – искренне удивилась я.

Карнеш Тирлен там и дневал, и ночевал иногда, и маги заходили, и... Я-то там зачем?

– Он просил.

Я сделала большие глаза.

– Что он просил? Я же ничего плохого не сделала?! Наоборот!

Харни успокаивающе замахал на меня руками.

– Веточка, милая, да что ты! Я тебя лично на руках носить готов! Если б ты сразу им помощь не оказала... если б кто из них умер, тут бы такое началось!

А погибшая девушка никого не волнует? Потому что по рождению она не принадлежит к знатной фамилии? И плевать всем на ее могилу?

С-сволочи...

– Просто... есть у меня подозрение, что этот Леклер тобой увлекся. Сильно.

У меня глаза, наверное, стали как у морского рака⁴.

– Когда он успел?!

– Как пришел в себя, так и рассказывает всем, что ему явилась посланница Светлого.

Вдобавок к выпученным глазам у меня и рот открылся. Некрасиво, но...

Харни отечески похлопал меня по плечу.

– Вета, милая, да ясно ж, что он головой ударился. Тут и в посланников уверуешь, и в кого хочешь! Увидел тебя, и – как удар молнии. Бывает же!

Бывает.

Только боюсь я, что дело там намного серьезнее. И видел он не удар молнии, а меня за работой. Вот тут-то и могло его... затянуть. Магия же! Я не обольщалась – внешность у меня не самая выдающаяся, та же Тамира намного более эффектна.

Кстати!

– Так, может, он Тамиру увидел? Вот уж кто красotka!

– Ходила к нему и Тами, и Лена – бесполезно. Говорит,

---

⁴ Имеется в виду рак-богомол, очень симпатичное создание (*прим. авт.*).

другая была. Красивая – невероятно! Вся такая...

Я от души рассмеялась.

– Господин Растум!

– Вета, милая, для тебя – Харни. Можно – дядя Харни!

Это сколько ж ему «благодарности» отвалили?

– Харни, да вы на меня посмотрите?! Я – и невероятно красивая? Смешно ж сказать!

Харни посмотрел. Вздохнул.

– Вета, ну что я сделаю? Аристократы ж! Сходи к нему, будь ласкова!

Что-то подсказывало, что отказ не принимается. Осталось вздохнуть – и идти.

* * *

Палата, в которой лежал виконт Леклер, выглядела... невероятно. Словно из дворца ее перенесли. Роскошные драпировки, цветы, мебель из благородных пород дерева, ковер на полу... Я-то сюда не заходила, вчера отдыхала, с утра даже на обход не попала, меня Растум вызвал, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.